

Выпечка от Манечки. Детектив со вкусом

Кекс с летальным: исходом

детектив

Книга первая

Н. Р. Эшфорд

Выпечка от Манечки. Детектив со вкусом

Николас Реймонд Эшфорд

Кекс с летальным исходом

«Автор»

2026

Эшфорд Н.

Кекс с летальным исходом / Н. Эшфорд — «Автор»,
2026 — (Выпечка от Манечки. Детектив со вкусом)

Частный детектив поневоле и королева домашней выпечки Манефа (Маня) Полуэктова и подумать не могла, что очередной заказ на фирменный эклер обернется новым расследованием. Ее постоянная клиентка, грозная Сосипатра Дормидонтовна, жена районного прокурора, найдена бездыханной в собственной гостиной. Всё бы ничего — у пожилой дамы могло прихватить сердце, — но на месте преступления обнаруживаются крошки именно от вчерашнего угощения Мани.

Содержание

ЧАСТЬ I. БЕЗЕ С СЕКРЕТОМ	6
Глава 1. Розовый фартук не спасает от судьбы	6
Глава 2. Эклеры как вещественное доказательство	17
Глава 3. Следователь с глазами цвета кофе-глясе	28
Глава 4. Что скрывал персидский ковер	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николас Реймонд Эшфорд

Кекс с летальным исходом

Оглавление

ЧАСТЬ I. БЕЗЕ С СЕКРЕТОМ

Глава 1. Розовый фартук не спасает от судьбы

Глава 2. Эклеры как вещественное доказательство

Глава 3. Следователь с глазами цвета кофе-глясе

Глава 4. Что скрывал персидский ковер

Глава 5. Лерка Каблукова и ее теория заговора почтальонов

ЧАСТЬ II. ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД ИНТРИГ

Глава 6. Соседи-убийцы, или Тайна идеального газона

Глава 7. Муж, ловелас и его алиби в спа-салоне

Глава 8. Племянник и его долг чести букмекеру

Глава 9. Брошь «Плачущая форель» и след из миндальной муки

Глава 10. Загадочное письмо с мышью

ЧАСТЬ III. ВЗБИТЫЕ СЛИВКИ ПОДОЗРЕНИЙ

Глава 11. Гастон Кулинаров и молекулярная ненависть

Глава 12. Тайна рецепта «Кекса правды»

Глава 13. Ночной дозор в супермаркете

Глава 14. Явка с повинной... Марсея

ЧАСТЬ IV. ВИШЕНКА НА ТОРТЕ

Глава 15. Кулинарный поединок: Маня против телегуру

Глава 16. Мусс из авокадо как орудие преступления

Глава 17. Прямой эфир и чистосердечное признание

Глава 18. Свадебный торт для прокурора (эпилог)

ЧАСТЬ I. БЕЗЕ С СЕКРЕТОМ

Глава 1. Розовый фартук не спасает от судьбы

Если судьба решает дать вам пинка, она никогда не делает это в удобное время. Например, во вторник в три часа дня, когда вы допиваете кофе и размышляете, не посмотреть ли сериал. Нет, судьба — дама театральная, ей подавай аншлаг и драматический момент. Поэтому, когда в моей жизни случился очередной труп, я стояла на кухне в розовом фартуке с рюшами, перепачканная мукой по самые уши, и орала на кота.

Кота, к слову, звали Марсель. Это был рыжий наглый зверь размером с небольшой диван, который считал своим долгом пробовать всё, что плохо лежит. А плохо лежало у меня тесто для фирменного кекса «Бабушкин поцелуй». Марсель уже успел макнуть в него лапу и теперь с оскорбленным видом вылизывал ее, сидя на холодильнике. Видимо, кекс вышел недостаточно мясным для его изысканного вкуса.

— Маня, ты не поверишь! — в кухню вихрем ворвалась моя подруга Лерка Каблукова, по мужу — мадам Грицаева, но мы по старой памяти звали ее просто Лерой. Глаза у нее горели, как у кота при виде открытой банки с тунцом. — Такое дело! Шекспировские страсти, клянусь своим новым шиньоном!

— Если ты опять про то, что в соседнем подъезде завелся маньяк, который по ночам перемешивает коврики у чужих дверей, то я пас, — отмахнулась я, выковыривая из теста рыжую шерстинку. Мой девиз: «Спокойствие, только спокойствие и шепотка разрыхлителя». — Мне еще нужно украсить этот кулинарный шедевр цукатами и отвезти заказчице. Между прочим, жене нашего многоуважаемого районного прокурора, Сосипатры Дормидонтовны.

— Вот! — Лерка многозначительно подняла указательный палец, униженный перстнями, как новогодняя елка гирляндами. — Я как раз об этом! Я сейчас заходила к ней, хотела занять денег до пенсии на новую помаду. У них дверь нараспашку. Я кричу: «Хозяева!», заглядываю в гостиную, а там... Сосипатра Дормидонтовна! Лежит прямо на персидском ковре ручной работы! И вокруг нее — крошки от твоего вчерашнего эклера.

Миксер в моих руках взвыл и затих. Я осторожно положила его на столешницу, чувствуя, как внутри всё холодеет, словно крем-брюле в морозилке.

— В каком смысле «лежит»? — осторожно спросила я. — Отдыхает? У медитирующих нынче модно на полу сидеть, я читала в журнале «Йога для ленивых».

— Какое там отдыхает! — Лерка трагически закатила глаза и прижала руки к пышной груди. — Она лежит с выражением лица «я только что увидела призрака покойной свекрови». И цвет лица... нехороший такой, серо-зеленый. Как мой фарш, когда я забыла его убрать в холодильник на выходные. Маня, она мертвая! Я ей «ку-ку», а она не отвечает!

— Ты вызвала скорую? Или полицию? — я уже срывала с себя фартук. Рюши предательски зацепились за пуговицу, и я едва не задушила саму себя.

— Ой, а надо было? — Лерка захлопала накладными ресницами. — Я сразу к тебе побежала. Ты у нас специалист по этим... как их... эксцессам!

Я тяжело вздохнула. Действительно, за последний год я раскрыла три убийства, хотя по образованию я переводчик с французского и итальянского. Но так уж получилось, что трупы ко мне просто липли, как тесто к рукам. Видимо, у меня на лбу написано невидимыми чернилами: «Бюро добрых услуг по отлову преступников. Обращаться в любое время. Скидки постоянным клиентам».

Через пятнадцать минут мы уже стояли у дома прокурора. Вернее, у того самого коттеджа в элитном поселке «Шале-Петушки», где жила Сосипатра Дормидонтовна с супругом, Ари-

стархом Валерьяновичем. Особняк был образцом архитектурной безвкусицы: колонны, как у Парфенона, башенки, как у Диснейленда, и кованые ворота с вензелями, как у венской оперы. Всё это великолепие венчала табличка «Уютное гнездышко».

— Сосипатра Дормидонтовна любила размах, — прокомментировала Лерка, поправляя шиньон. — Говорят, она даже унитаза заказала с позолотой. Представляешь, какая красота? И сидеть страшно, и мимо не промахнешься.

Дверь и правда была приоткрыта. Я осторожно толкнула ее и вошла в полутемный холл. В нос ударил запах дорогих духов с нотками пачули и чего-то тревожного. Знаете, есть такие ароматы, которые словно предупреждают: «Беги отсюда, девочка, пока не поздно». Но я не побежала. Во-первых, любопытство — мой главный недостаток, во-вторых, на мне все еще был след от муки, и я не могла допустить, чтобы мое кулинарное творение стало последним ужином клиентки.

В гостиной, на роскошном персидском ковре цвета запекшейся крови (очень символично, замечу), лежала Сосипатра Дормидонтовна. Дама была облачена в шелковый халат с драконами и тапочки с меховыми помпонами. Глаза ее были закрыты, а на лице застыло выражение крайнего удивления, словно смерть подкралась к ней в тот момент, когда она узнала шокирующую новость. Например, что ее любимый кондитер использует маргарин вместо масла. (Спешу заметить, это не так, я честный кулинар).

Вокруг нее и правда рассыпались крошки. Я наклонилась и присмотрелась. Да, это определенно было тесто от моих эклеров — легкое, воздушное, с золотистой корочкой. Именно их я вчера вечером доставила по заказу Сосипатры Дормидонтовны. Она обожала мою выпечку и говорила, что только ради нее и живет. Как выяснилось, это была роковая любовь.

— Видишь? — прошептала Лерка, которая пряталась за моей спиной. — Эклеры-убийцы! Как в том фильме, где пирожные взрывались!

— Не мели чушь, — отмахнулась я, хотя в душе заскребли кошки. — Эклеры не взрываются. Максимум, что они могут сделать, это отложиться на талии в виде лишних килограммов. Но Сосипатра Дормидонтовна была дамой в теле, и лишний эклер ее вряд ли мог напугать до смерти.

Я присела на корточки, стараясь не наступать на улики. Рука Сосипатры была сжата в кулак. В этом кулаке что-то белело. Я осторожно, кончиками пальцев, разжала ее хватку. Это оказался смятый кусочек пергамента, на котором каллиграфическим почерком было выведено всего два слова: **«Кекс правды»**.

— Что за чушь? — пробормотала я себе под нос. — Какой еще кекс?

В этот момент за моей спиной раздался ледяной голос, от которого у меня мурашки побежали по позвоночнику, словно я выпила холодного лимонада в жаркий день:

— Манефа Сергеевна Полуэктова? Руки вверх, чтобы я их видел. Вы арестованы по подозрению в убийстве Сосипатры Дормидонтовны Гуськовой.

Я медленно обернулась. В дверях гостиной стоял мужчина, словно сошедший со страниц журнала «Модный следователь». Высокий, широкоплечий, в безупречно отглаженном костюме цвета «мокрый асфальт». Темные волосы зачесаны назад, на переносице — стильные очки в тонкой оправе, подбородок волевой, взгляд пронзительный. Глаза у него были цвета кофе-глясе, если бы этот кофе-глясе умел метать молнии.

Одной рукой он придерживал раскрытое удостоверение, другую положил на кобуру. Вид у него был такой, словно он поймал по меньшей мере главаря мафиозной группировки, а не домохозяйку в муке.

— Простите? — я на всякий случай подняла руки, но тут же их опустила. — Какое еще убийство? Я только что пришла!

— Именно это все и говорят, — усмехнулся незнакомец. — Старший следователь Аркадий Воронов. А вы, я так понимаю, та самая «королева эклеров», чью стряпню мы обнаружили в желудке жертвы?

— В каком таком желудке? — возмутилась я. — Вы что, уже и вскрытие провели?

— Предварительный анализ содержимого, — отрезал Воронов. — Проба на цианид дала положительный результат. Ваши эклеры были начинены не только заварным кремом, но и сильнодействующим ядом. Так что, гражданка Полуэктова, вам предстоит долгая и содержательная беседа. И поверьте, рецептами обмениваться мы не будем.

Лерка, которая все это время стояла ни жива ни мертва, вдруг ожила и ткнула пальцем в следователя:

— Это он! — завопила она дурным голосом. — Я сразу поняла! Манька, это тот самый маньяк, который коврики перевешивает! У него взгляд нехороший!

Воронов медленно перевел взгляд на Лерку, и я готова была поклясться, что в глубине его кофейных глаз промелькнула тень изумления. Видимо, к таким заявлениям даже элитных следователей жизнь не готовит.

— Дамы, — сказал он, делая глубокий вдох. — Оставайтесь на месте. Я вызову опергруппу. А вы, — он снова посмотрел на меня, — готовьтесь. Похоже, ваш кондитерский бизнес накрылся медным тазом.

Я стояла посреди гостиной с мертвой клиенткой на полу, с крошками от эклера на совести и с запиской о каком-то загадочном «кексе правды» в руке. Розовый фартук остался дома, но ощущение надвигающейся катастрофы прилипло ко мне намертво. Кажется, моя спокойная жизнь закончилась.

Я стояла посреди гостиной с мертвой клиенткой на полу, с крошками от эклера на совести и с запиской о каком-то загадочном «кексе правды» в руке. Розовый фартук остался дома, но ощущение надвигающейся катастрофы прилипло ко мне намертво. Кажется, моя спокойная жизнь закончилась. В голове, словно испорченный миксер на максимальной скорости, крутились обрывки мыслей. Сосипатра Дормидонтовна, дама с характером броненосца и гастрономическими запросами небольшой армии, лежала на собственном ковре без признаков жизни. И, судя по выражению ее лица, смерть стала для нее крайне неприятным сюрпризом. Я еще раз посмотрела на смятый пергамент в своих пальцах. «Кекс правды» — что за чушь? В моей кулинарной книге, доставшейся мне от бабушки, а ей от ее бабушки, такого рецепта не значилось. Там были «Наполеон», «Птичье молоко», «Графские развалины» и даже экзотический «Торт из печенья без выпечки за пять минут», но никакого «Кекса правды». Это пахло не просто кулинарией, а какой-то мистической ерундой, приправленной криминалом.

Лерка, по-прежнему прятаясь за моей спиной, нервно всхлинула и дернула меня за рукав.

— Мань, может, тикаем отсюда, пока менты не нагрянули? — прошептала она, ее шиньон угрожающе покачивался. — Скажем, что мы тут просто мимо проходили. За солью заходили, да, за солью. У меня как раз дома соль закончилась.

— Лера, — я вздохнула, — ты сама же сказала, что дверь была нараспашку. И крошки от моих эклеров по всему ковру. Даже самый глупый полицейский, а глупых, как показывает практика, почти не бывает, сразу свяжет мое кулинарное творчество с местом преступления. Бежать — значит признать вину. А я не виновата. Мои эклеры не убивают. Они только слегка полнят.

— Да какая разница, виновата или нет! — Лерка замахала руками. — Посадят, как пить дать посадят! У меня знакомая, Клара Цукерман, работала в буфете железнодорожного вокзала, так ее за недожаренную котлету чуть не посадили за покушение на убийство. А тут труп! С цианидом! Манька, нас же расстреляют из рогатки!

— Из чего? — я невольно улыбнулась, несмотря на весь драматизм ситуации. — Лер, успокойся. Расстреливают из огнестрельного оружия, а не из рогаток. И только в военное время. Нам максимум грозит пожизненное заключение в колонии строгого режима с конфискацией кулинарных книг.

Лерка побледнела так, что даже ее яркий румянец стал похож на два бледных пятна на заснеженном поле. Я же лихорадочно соображала, что делать. Первым делом — не трогать больше ничего. Я и так уже наследила, разжав кулак покойной. Хотя, если честно, записка в ее руке была единственной зацепкой, которая могла указать на настоящего убийцу. Не могла же я позволить, чтобы ее увезли в морг вместе с уликой. К тому же, я чувствовала какую-то странную ответственность. Сосипатра Дормидонтовна была моей постоянной клиенткой. Она заказывала у меня выпечку на каждую пятницу, на каждый церковный праздник и просто по настроению, которое у нее менялось чаще, чем погода в апреле. Она знала меня по имени, всегда интересовалась, как поживает Марсель (кот был ей симпатичен заочно, она считала его «упитанным красавцем»), и даже однажды подарила мне банку маринованных огурцов собственного засола. Огурцы, кстати, были отвратительные, пахли уксусом так, что Марсель чихал три дня, но сам жест был приятен. Теперь эта женщина, с ее золотыми унитазами и любовью к эклерам, лежала бездыханной, а я должна была понять, кто и почему лишил ее жизни.

Я огляделась более внимательно. Гостиная Сосипатры была под стать хозяйке — роскошной, немного кричащей и перегруженной деталями. Стены обиты шелковыми обоями с вышитыми золотыми нитями драконами. Мебель красного дерева с резными ножками в виде львиных лап. Огромная люстра, свисающая с потолка, напоминала перевернутый свадебный торт, усыпанный хрустальными подвесками. На каминной полке — коллекция фарфоровых пастушек и пастушков, которые смотрели на меня своими глупыми фарфоровыми глазками. И над всем этим великолепием — запах. Запах дорогих духов «Chanel No. 5», смешанный с чем-то еще, едва уловимым, но от этого еще более тревожным. Кажется, это был запах горького миндаля. Цианид, если верить детективным романам, пахнет именно так. Неужели убийца был настолько глуп, что использовал такой узнаваемый яд? Или настолько нагл?

Лерка, видя мою задумчивость, тоже начала осматриваться, но ее интерес был сугубо практическим.

— Смотри, какие серёжки на ней! — зашептала она, указывая на мочки ушей покойной. — Бриллианты, не меньше трех карат каждая. Хоть бы кто свистнул, пока полиция едет. Неужели воры-домушники побрезговали?

— Лера, прекрати! — шикнула я. — Ты что, мародерствовать собралась?

— Да я просто так, для протокола! — обиделась подруга. — Кстати о протоколе. Ты уже придумала, что скажешь следователю? Надо легенду. Например, что мы шли мимо и услышали крик. Забежали, хотели помочь, но было поздно. А крошки эклеров — это просто совпадение. У всех в доме есть крошки от эклеров, это нормально.

— У всех, у кого есть я, — пробормотала я. — Лер, легенда должна быть правдоподобной. А правда в том, что мы действительно пришли к ней домой, потому что ты обнаружила тело. И это чистая правда. Врать будем только в деталях, если понадобится.

— В каких деталях? — Лерка прищурилась.

— Например, в том, что мы с тобой лучшие подруги уже пятнадцать лет, но познакомились при совершенно дурацких обстоятельствах, и нам не привыкать выпутываться из передряг.

— А, это, — она махнула рукой. — Это святое.

Я вновь перевела взгляд на записку. Бумага была явно старой, пожелтевшей, с неровными краями. Чернила выцвели, но буквы все еще читались. «Кекс правды». Почему Сосипатра сжимала ее в кулаке? Она хотела передать кому-то? Или пыталась спрятать от убийцы? А может, она сама незадолго до смерти перечитывала этот клочок, и он выпал из ее рук, когда

яд начал действовать? Вопросов было больше, чем ответов. Но одно я знала точно: если я хочу очистить свое имя и найти настоящего преступника, мне нужно узнать, что это за «Кекс правды» и кому он понадобился настолько, чтобы убить человека.

И тут в дверь громко постучали. Вернее, не постучали, а забарабанили с такой силой, что люстра закачалась. Мы с Леркой подпрыгнули на месте.

— Открывайте! Полиция! — раздался грозный мужской голос.

— Ой, мамочки! — Лерка схватилась за сердце. — Уже! Быстро они!

— Это Воронов, — прошептала я. — Тот самый, с глазами кофе-глясе и самомнением выше Эйфелевой башни. Лера, возьми себя в руки. Мы не преступники, мы свидетели. Веди себя естественно.

— Я не умею естественно! — взвыла Лерка. — Я могу только играть в самостоятельном театре! Может, изобразить глухонемую?

— Поздно.

Я подошла к двери и открыла ее. На пороге действительно стоял Воронов, а за его спиной маячили еще двое полицейских в форме. Один из них держал в руках какой-то металлический чемоданчик — видимо, эксперта-криминалиста. Второй был просто мрачным амбалом, который, казалось, только и ждал команды, чтобы кого-нибудь скрутить.

— Манефа Сергеевна, — Воронов окинул меня взглядом, в котором читалось крайнее неодобрение, — я же просил не покидать место преступления. А вы уже, я смотрю, начали самостоятельный осмотр?

— Я ничего не трогала, кроме записки, — честно ответила я, протягивая ему смятый пергамент. — Это было зажато в руке покойной. Я посчитала нужным изъять улику, чтобы ее не потеряли.

Воронов взял бумажку пинцетом из кармана (оказывается, у него и пинцет был с собой, вот предусмотрительный!), поднес к глазам и внимательно изучил. Брови его поползли вверх.

— «Кекс правды»? — прочитал он вслух. — Забавно. И что бы это значило?

— Понятия не имею, — я пожала плечами. — Но, возможно, это как-то связано с ее смертью.

— Очевидно, — сухо заметил Воронов. — Как и ваши эклеры. Кстати, где вы их хранили до доставки?

— Дома, в холодильнике, — я удивленно посмотрела на него. — А что?

— А то, что экспертиза взяла пробы с крошек, — он кивнул на ковер. — Если яд был добавлен в крем, то это мог сделать кто угодно: вы, ваша подруга, курьер, который доставлял продукты, даже сама покойная. Мы проверим всю цепочку.

— Я никого не травила! — возмутилась я. — Мои эклеры — это произведение искусства! Я в них душу вкладываю, а не цианид!

— Душу, говорите? — Воронов усмехнулся. — Ну-ну. А что вы тогда делаете на месте преступления? Почему вы вообще здесь оказались?

Я открыла было рот, чтобы изложить нашу версию, но Лерка меня опередила.

— Мы шли за солью! — выпалила она, округлив глаза. — У меня дома соль закончилась, а у Сосипатры Дормидонтовны она всегда водилась, она солила огурцы, знаете, такие противные, с уксусом. Мы зашли, а тут она лежит. Мы хотели спасти, но поздно. И крошки эти, наверное, от ее вчерашнего ужина. Мы тут ни при чем!

Воронов перевел взгляд с Лерки на меня, потом обратно. На его лице отразилась целая гамма чувств: от недоверия до легкого замешательства. Видимо, с такими свидетелями, как мы, ему еще не приходилось работать.

— Значит, за солью, — медленно повторил он. — Ну-ну. А почему тогда дверь была открыта?

— Так это она всегда открыта, — ляпнула Лерка, но тут же осеклась под моим гневным взглядом. — То есть я хотела сказать, мы постучали, никто не ответил, а дверь поддалась. Мы забеспокоились и вошли.

— Ясно, — Воронов вздохнул и убрал записку в прозрачный пакет для улики. — Значит, так. Сейчас мои коллеги осмотрят место происшествия, а вы, гражданки, пройдете со мной в участок для дачи показаний. И, Манефа Сергеевна, — он впился в меня взглядом, — очень советую вам не играть в детектива. Это может плохо кончиться. Я знаю, что вы раскрыли пару дел, но то была случайность. Здесь — серьезное преступление. Убийство. Не лезьте в это дело. Дайте профессионалам работать.

Я хотела возразить, что профессионалы как раз и пытаются повесить на меня отравление, но промолчала. Сейчас не время для споров. Сначала нужно выбраться из этого дома, а потом уже думать о расследовании. К тому же, у меня в голове уже зрел план. Если полиция не верит в мою невиновность, я докажу ее сама. Как говорила моя бабушка, царствие ей небесное: «Хочешь, чтобы торт получился вкусным, — меси тесто сама».

Полицейские принялись за работу: фотографировали, снимали отпечатки, просеивали пылесосом ковер. Я же с Леркой покорно ждала в углу, стараясь не привлекать внимания. Вскоре прибыла еще одна машина — за телом. Двое санитаров с невозмутимыми лицами погрузили Сосипатру Дормидонтовну на носилки, укрыли простыней и унесли прочь. Когда ее проносили мимо меня, ее рука свесилась вниз, и я заметила, что на безымянном пальце нет обручального кольца. Странно. Она всегда носила массивный перстень с рубином, подарок мужа на серебряную свадьбу. Неужели убийца позарился и на украшения? Но Лерка сказала, что серьги на месте. Тогда куда делось кольцо?

— Воронов, — негромко окликнула я следователя, когда санитары ушли. — Вы не заметили? У покойной нет кольца.

Он обернулся и посмотрел на меня с удивлением, смешанным с подозрением.

— Вы очень наблюдательны, — сказал он. — Я заметил. Но это могло случиться по разным причинам. Может, она сняла его, когда мыла руки. Может, оно соскользнуло в момент падения.

— Или его снял убийца, — тихо добавила я. — Как и записку, которую она держала, могли подбросить, чтобы направить следствие по ложному пути. Или, наоборот, оставить как послание.

Воронов ничего не ответил, но его взгляд стал еще более пристальным. Кажется, он начал понимать, что я не просто глупая домохозяйка, а человек с логическим мышлением. Это было мне на руку.

Через час, когда все формальности в особняке были завершены, нас с Леркой препроводили в полицейскую машину и отвезли в районное отделение. Здание было старым, советской постройки, с облупившейся краской и запахом хлорки в коридорах. Нас рассадили по разным комнатам для допроса. Я оказалась в небольшом кабинете с обшарпанными стенами, железным столом и двумя стульями. За столом восседал уже знакомый мне Воронов. Он снял пиджак и остался в белоснежной рубашке, которая подчеркивала его атлетическое сложение. Я невольно отметила, что следователь явно не пренебрегает спортзалом. Впрочем, меня сейчас больше волновало не его телосложение, а то, как он будет вести допрос.

— Итак, Манефа Сергеевна, — начал он, открывая ноутбук, — расскажите мне все по порядку. Только прошу, без фантазий про соль и глухонемых подруг. Я хочу знать правду. Когда вы в последний раз видели живой Сосипатру Дормидонтовну?

Я вздохнула и приготовилась к долгой беседе. Но прежде чем начать, я позволила себе маленькую вольность. Я представила, что сижу не в кабинете следователя, а у себя на кухне, с чашкой ароматного чая и куском свежее испеченного пирога. И это помогло мне успокоиться. В конце концов, я не преступница. Я просто повар, который попал в переплет.

— В последний раз я видела ее вчера вечером, — начала я размеренным тоном. — Около семи часов. Я лично доставила ей заказ — три десятка эклеров. Она была в прекрасном настроении. Даже пригласила меня выпить чаю, но я отказалась, потому что дома ждал голодный кот и подгорающий кекс.

— О чем вы говорили?

— О погоде, о рецептах, о ее розах. Она гордилась своим садом, знаете ли. Говорила, что ее розы — лучшие в поселке, и что какая-то соседка, кажется, Маргарита Павловна, ей завидует. Собиралась подать на нее жалобу за то, что та якобы сыплет соль под ее кусты. Ерунда, в общем.

— А о «Кексе правды» она ничего не упоминала?

— Ни слова.

— А ее муж, Аристарх Валерьянович, был дома?

Я задумалась. Действительно, когда я пришла, дверь мне открыла сама Сосипатра. Мужа я не видела.

— Нет, по крайней мере, я его не заметила. Она сказала, что он задерживается на работе. Но мне показалось, что она немного нервничала, когда говорила о нем. Как будто ждала кого-то еще.

— Кого?

— Не знаю. Просто было ощущение, что она все время поглядывала на часы. Но я не придавала этому значения. У богатых свои причуды.

Воронов кивал, записывая мои слова. Я продолжила описывать наш визит к ней сегодня, обнаружение тела, записку. Рассказала все честно, без утайки, кроме разве что Леркиных фантазий о заговоре и соли. Закончила я тем, что услышала стук в дверь и появление полиции.

— Понятно, — произнес Воронов, когда я умолкла. — А вы не знаете, у Сосипатры Дормидонтовны были враги? Кто-то, кто желал ей смерти?

— Враги есть у всех, — философски заметила я. — Особенно у тех, кто живет в «Шале-Петушках» и имеет золотой унитаз. Но я не знаю никого, кто ненавидел бы ее настолько, чтобы убить. Хотя, — я вспомнила про кольцо, — ее муж, наверное, знает больше. Кстати, где он? Вы его уже допросили?

— Пытаемся найти, — сухо ответил Воронов. — Его телефон выключен. Он уехал на рыбалку с друзьями, по словам экономки, еще позавчера. Но мы отправили наряд.

— Странное совпадение, — пробормотала я.

— Совпадения — это наша работа, — парировал Воронов. — Ладно, Манефа Сергеевна, на сегодня достаточно. Вы свободны, но оставайтесь на связи. Завтра мы получим результаты вскрытия, и тогда разговор будет предметным. И, повторяю, не суйте свой нос в это дело. Это опасно.

Я поднялась и направилась к выходу. У двери обернулась.

— Аркадий... простите, не знаю вашего отчества, — сказала я. — Воронов, я не собираюсь сидеть сложа руки, пока на меня вешают убийство. Я найду настоящего преступника. И знаете, что? Когда я это сделаю, я испеку вам торт. Бесплатно.

Глаза Воронова сузились. Он явно не привык к такому нахальству от свидетелей.

— Лучше испеките его для своей подруги, — холодно ответил он. — Она, кажется, уже начала давать показания моему коллеге и, по-моему, понесла какую-то ахинею про маньяка, перевешивающего коврики. Боюсь, ей понадобится адвокат.

Я чертыхнулась про себя. Лерка, с ее неумной фантазией и любовью к драме, могла наговорить такого, что весь отдел будет неделю смеяться. А нам сейчас нужна ясная голова и репутация добропорядочных гражданок. Придется срочно ее спасать.

В коридоре я нашла Лерку. Она сидела на скамейке и взхлеб рассказывала молоденькому лейтенанту про то, как однажды ей показалось, что соседский пудель подмигнул ей левым

глазом, и это, по ее мнению, было знаком причастности собаки к международной шпионской сети. Лейтенант слушал с каменным лицом, периодически делая вид, что что-то записывает.

— Лера! — резко одернула я подругу. — Нам пора домой. Лейтенант, простите нас, у моей подруги солнечный удар, она перегрелась на солнце. Мы уходим.

Лейтенант с видимым облегчением захлопнул блокнот. Лерка обиженно надулась, но подчинилась. Мы вышли на улицу. Вечернее солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в розовые и оранжевые тона. Где-то вдалеке лаяли собаки, а из ближайшей пиццерии доносился запах сыра и томатов. Жизнь продолжалась, как ни в чем не бывало. И только у меня на душе было тяжело, словно я проглотила несвежий эклер.

— Мань, ну чего ты такая мрачная? — Лерка пихнула меня локтем. — Подумаешь, подозреваемая. Зато какое приключение! Мы с тобой как те дамочки из сериала «Мисс Марпл на гастролях». Только ты не старая дева, а я не вязальщица.

— Лера, — я остановилась и посмотрела ей прямо в глаза, — человек умер. Умер при странных обстоятельствах, и кто-то пытается сделать виноватой меня. Это не приключение, это реальная опасность. Если мы не выясним, что такое «Кекс правды» и кому он понадобился, следующими можем быть мы.

Лерка на мгновение притихла, переваривая услышанное. Потом ее лицо озарилось решимостью.

— Значит, будем выяснять! — заявила она. — У меня есть связи! Я позвоню Марьванне, она работает в библиотеке, может, найдет что-то про эту легенду. А еще можно поспрашивать старушек на лавочке. Они про всех всё знают.

— Это уже лучше, чем теория заговора пуделей, — усмехнулась я. — План такой: ты идешь в библиотеку и ищешь упоминания о купчихе Перепонкиной и ее рецепте, а я наведаюсь к мужу Сосипатры, когда он соизволит явиться. Уверена, он знает больше, чем говорит.

— А если он и есть убийца? — Лерка округлила глаза. — Мужья часто убивают жен, я читала в журнале «Криминальное чтение». Особенно если жена пилит. А Сосипатра пилила его будь здоров! Он даже на рыбалку сбегал каждые выходные, лишь бы отдохнуть.

— Тем более нам нужно с ним поговорить, — кивнула я. — Только осторожно. Если он виновен, то может попытаться убить и нас.

С этим обнадеживающим выводом мы дошли до моего дома. Родная квартира встретила нас возмущенным мяуканьем Марселя, который дал понять, что ужин по расписанию пропущен, и он теперь намерен жаловаться в Общество защиты котов. Я насыпала ему корма, погладила по рыжей голове и устало рухнула на диван. Впереди был долгий вечер размышлений и, возможно, еще более долгое расследование.

Я достала блокнот и ручку. На первой странице написала: **«Дело о смертельном кексе. Подозреваемые и мотивы»**. Ниже вывела несколько пунктов:

Аристарх Валерьянович (муж) — возможно, устал от жены, хочет свободы и наследства.

Маргарита Павловна (соседка) — зависть, конфликт из-за роз.

Неизвестный охотник за рецептом — если «Кекс правды» существует, за ним могут охотиться коллекционеры или конкуренты.

??

Пока список был небольшим, но я чувствовала: это только начало. Завтрашний день обещает быть жарким. А пока — спать. И пусть мне приснится не отравленный эклер, а огромный торт с кремовыми розами и надписью «Правда восторжествует».

Ночью мне действительно приснился сон. Будто я стою на сцене какого-то кулинарного шоу, передо мной стол с ингредиентами, а в жюри сидит Воронов в поварском колпаке и строго спрашивает: «А где секретный ингредиент?» Я в ужасе понимаю, что секретный ингредиент — это правда, а у меня ее нет. И тут из-за кулис выходит Сосипатра Дормидонтовна, живая и здоровая, с подносом эклеров, и говорит: «Маня, ты забыла добавить любовь». Я просыпаюсь

в холодном поту. Часы показывают пять утра. Марсель дрыхнет на подушке, раскинув лапы. За окном занимается рассвет. Пора вставать и печь пироги. Но сегодня у меня другой план. Сегодня я начинаю охоту на убийцу. И да поможет мне ваниль и дедуктивный метод.

За завтраком я обдумывала свой первый шаг. Нужно было попасть в дом Сосипатры еще раз, но уже без полиции. Возможно, там остались какие-то улики, которые Воронов проглядел. Я позвонила Лерке и изложила идею.

— Ты с ума сошла! — возопила она в трубку. — Там же опечатано! Взломаешь печать — посадят!

— Я не собираюсь взламывать, — возразила я. — Я позвоню экономке. Она, наверное, там убирается. Узнаю, когда можно будет зайти под благовидным предлогом. Например, забрать рецепт эклеров, который я якобы оставила у Сосипатры.

— А ты оставляла? — усомнилась Лерка.

— Нет, но кто проверит? В общем, жди новостей. И сама не бездействуй, дуй в библиотеку.

Повесив трубку, я набрала номер экономки Гуськовых, Антонины Марковны. Та ответила не сразу, голос был заплаканный.

— Антонина Марковна, это Манефа, — осторожно начала я. — Соболезную вашей утрате. Сосипатра Дормидонтовна была прекрасной женщиной.

— Ох, Манечка, спасибо, — всхлипнула экономка. — Такое горе! Кому она помешала? Жила, никого не трогала, только пилила мужа да с соседкой ругалась... А тут такое!

— Антонина Марковна, а вы не припомните, она в последнее время не говорила ничего странного? Может, упоминала какой-то старый рецепт? Или записку получила?

В трубке повисло молчание. Потом экономка зашептала:

— Записку! Да, точно! За день до смерти ей принесли письмо. Без марки, просто бросили в ящик. Она прочитала и побледнела. Я спросила, что случилось, а она только махнула: «Глупости, Антонина, старые счёты». И спрятала в шкатулку. А шкатулка у нее в спальне, в ящике комода. Но полиция ее не нашла, я смотрела.

— А вы не могли бы меня пустить на часик? — закинула я удочку. — Хочу забрать свой рецепт, он в кухне, в папке. Это важно для меня.

— Ой, да какая теперь разница, — махнула рукой Антонина Марковна. — Приходите, но только тихо. Полиция опечатала гостиную, но кухню и спальню не тронули. Я завтра с утра там буду, с девяти. Можете подойти.

Я просияла. План удался. Уже завтра я смогу осмотреть спальню и найти ту самую шкатулку. А в ней, возможно, письмо с угрозами, которое прольет свет на личность убийцы.

День пролетел в хлопотах. Я напекла небольшую партию эклеров — не для клиентов, а чтобы успокоить нервы. Ритмичное взбивание крема всегда действовало на меня терапевтически. Марсель крутился под ногами, периодически тыкая мордой в ноги, требуя свою долю сливок. Я думала о записке, о кольце, о том, куда пропал муж. Почему он не явился сразу? Боится? Скрывается? Или его тоже... того? От этой мысли стало нехорошо. Я постаралась думать о более позитивных вещах. Например, о том, как мы с Леркой раскроем это дело и я докажу Воронову, что он был неправ. Он еще будет извиняться и, может быть, даже согласится выпить со мной кофе. Хотя нет, кофе с ним — это перебор. Слишком много сахара в глазах.

Ближе к вечеру позвонила Лерка. Ее голос звучал взволнованно.

— Маня! Я в библиотеке! Ты не поверишь, что я раскопала!

— Не томи, рассказывай.

— Значит, так, — Лерка зашелестела страницами, — купчиха Аглая Перепонкина действительно существовала. Жила в наших краях в конце девятнадцатого века. Была известной травницей и кулинаркой. Ходили слухи, что ее кекс мог заставить говорить правду. Но это еще не всё! Оказывается, ее рецепт украли. Да-да! И она поклялась, что тот, кто им восполь-

зуются без ее благословения, умрет страшной смертью. Проклятье передавалось из поколения в поколение.

— Проклятье? — я фыркнула. — Лер, мы живем в двадцать первом веке. Проклятий не бывает. А вот жадных людей, готовых убить за старинный рецепт, — сколько угодно.

— И я о том же! — не унималась Лерка. — Но слушай дальше. В библиотеке есть старые газеты. И я нашла заметку 1913 года о загадочной смерти одного купца, который якобы попробовал «Кекс правды» и умер в муках. Полиция тогда не нашла виновных, но все решили, что это проклятье. А еще я узнала, что у Перепонкиной было две дочери, и каждая получила половину рецепта. Чтобы испечь кекс, нужно соединить обе половины. И одна из ветвей рода, по слухам, до сих пор живет в нашем поселке!

— Интересно, — протянула я, лихорадочно соображая. — Значит, Сосипатра могла быть потомком одной из этих дочерей. И у нее хранилась половина рецепта. А убийца хочет заполучить обе части.

— Вот-вот! И мой тебе совет: ищи вторую половину. Может, у той самой соседки Маргариты? Они же враждовали. Вдруг они родственницы?

— Всё может быть, — согласилась я. — Лера, ты умница! Завтра с утра я иду в дом Гуськовых, поищу улики. А ты пока разузнай про Маргариту Павловну. Где живет, чем дышит, какие тайны скрывает.

— Сделаем! — отрапортовала Лерка и отключилась.

А я задумалась. Легенда о «Кексе правды» из бабушкиных сказок превращалась в реальное дело, замешанное на старинной вражде и дележе наследства. Если Сосипатра действительно была хранительницей части рецепта, то круг подозреваемых расширяется. Это мог быть кто-то из ее родственников, о существовании которых я даже не подозреваю. Или, наоборот, кто-то из чужаков, охотившийся за семейной реликвией.

Вечером, сидя в пижаме с чашкой ромашкового чая, я набросала еще несколько заметок в блокноте. Связалась с одной знакомой, работающей в архиве ЗАГСа (блат — великая вещь, особенно когда печешь торты на дни рождения сотрудников), и попросила поднять родословную Гуськовых и Перепонкиных. Она обещала помочь за эклеры. Значит, завтра мне предстояло испечь двойную порцию эклеров: для взятки и для души. Марсель одобрительно мурчал, свернувшись клубком у моих ног. Кажется, даже он понимал, что предстоит большая игра. Или просто ждал, когда я усну, чтобы стащить кусочек колбасы из холодильника.

На следующее утро ровно в девять я стояла у ворот «Уютного гнездышка». Антонина Марковна уже ждала меня, нервно теребя край фартука. Это была маленькая сухонькая старушка с добрыми глазами и удивительной способностью растворяться в пространстве, когда хозяева ссорились. Она провела меня через черный ход, минуя опечатанную гостиную. Мы прошли на кухню — ту самую, где когда-то Сосипатра заваривала чай под мои эклеры. Здесь все еще пахло ванилью и почему-то уксусом (видимо, засолка огурцов была последним кулинарным подвигом покойной). Я для вида порылась в ящиках, извлекла первую попавшуюся бумажку (это оказался список покупок) и спрятала в сумку.

— Спасибо, Антонина Марковна, — сказала я. — А вы не покажете мне спальню? Хочу просто постоять, помянуть... Она так любила этот дом.

Экономка всхлипнула и повела меня на второй этаж. Спальня Сосипатры оказалась воплощением будуарной роскоши: огромная кровать с балдахином, трюмо, уставленное баночками с кремом, и комод красного дерева. Я дождалась, пока Антонина Марковна отвлеклась на телефонный звонок, и бросилась к комоду. Второй ящик слева, как она говорила. Я выдвинула его — там лежали перчатки, платки и... деревянная шкатулка с резными цветами. Я быстро открыла ее. Внутри — пачка старых писем, перевязанных лентой, и конверт без марки. Тот самый! Я сунула конверт в сумку и задвинула ящик. Сердце колотилось где-то в горле. Кажется,

я только что совершила кражу улики. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского. Вернее, не ест эклеров с победным кремом.

Когда я прощалась с Антониной Марковной, та вдруг схватила меня за руку.

— Манечка, — прошептала она, — вы уж будьте осторожны. Здесь что-то нечисто. Хозяйка перед смертью говорила, что боится. Что кто-то хочет забрать у нее «то, что принадлежит семье». Я думала, бредит. А оно вон как вышло.

— Вы не помните, она не называла имен?

— Нет, только ругала какого-то «Гастона». Говорила, «этот прохвост хочет опозорить меня на всю страну».

Гастон? Это имя ничего мне не говорило. Но теперь у меня была еще одна ниточка. Я поблагодарила экономку и поспешила домой. Там, за закрытыми дверями, я развернула письмо. На мятом листе бумаги было напечатано: «Сосипатра, старая ты крыса. Если не отдашь вторую половину рецепта до пятницы, твои эклеры станут последним, что ты съешь. Мы знаем, что ты хранишь его. Отдай по-хорошему». Подписи не было. Но пятница уже прошла. А Сосипатра мертва. Значит, угроза выполнена.

Вот, значит, как. Убийца предупреждал. И мой эклер стал орудием. Но кто этот Гастон? И кто скрывается за «мы»? Похоже, мне предстоит серьезный разговор с вдовцом. А заодно — визит к соседке Маргарите. Время не ждет. Испеки я хоть тысячу эклеров, правду можно найти только одним способом — ногами, умом и толикой нахальства. И пусть Воронов думает, что я домохозяйка. Я докажу ему, что кулинария и криминалистика — две стороны одной медали. Главное — не перепутать соль с сахаром и не подсыпать цианид в крем.

Убрав письмо в надежное место (под половицу на кухне, где Марсель не достанет), я набрала номер Лерки. Пора было активизировать наши шпионские сети.

— Лера, срочно приезжай. Есть новости. И прихвати по пути пирожков с капустой. Кажется, у нас наклеивается дело века, и на голодный желудок его не раскрыть.

Лерка ответила радостным гогом и обещала быть через полчаса. Я же открыла кулинарную книгу бабушки, но не для того, чтобы готовить. На внутренней стороне обложки была приклеена старая фотография, на которой моя прабабка в кружевном фартуке стояла у печи. Я знала эту фотографию с детства, но сейчас смотрела на нее по-новому. А что, если и моя семья хранит какую-то тайну? Что, если рецепт «Кекса правды» имеет ко мне самое прямое отношение? От этой мысли мурашки побежали по коже. Но раздумывать было некогда. Нужно было действовать. И пусть мне помогут сахар, мука и чуточка везения.

Глава 2. Эклеры как вещественное доказательство

В участке пахло казенными чернилами и чьим-то вчерашним обедом. Я сидела на жестком стуле в кабинете следователя Воронова и разглядывала свои руки. Под ногтями все еще сохранились остатки теста. Интересно, могут ли муку и ванилин признатьотягчающими обстоятельством?

— Итак, Манефа Сергеевна, — Воронов расположился напротив и раскрыл тонкую папку, в которой, подозреваю, уже красовалось мое досье. — Давайте-ка без фокусов. Расскажите, какие отношения вас связывали с покойной Сосипатрой Дормидонтовной?

— Исключительно гастрономические, — я пожала плечами. — Я пеку, она ест. Вернее, ела. До недавнего времени.

— И вам не показалось странным, что женщина заказала у вас три десятка эклеров накануне своей смерти? — Воронов приподнял бровь. — Это несколько... чревоугодно для одной персоны.

— Сосипатра Дормидонтовна была дамой с большими запросами, — ответила я. — Она говорила, что эклеры помогают ей думать. Может, у нее намечалась важная умственная работа? Или она ждала гостей. Откуда мне знать? Я не слежу за своими клиентами, я слежу за духовкой.

Воронов хмыкнул и что-то записал в блокнот. Перо у него было дорогое, явно не из канцелярского магазина. Интересно, с каких это пор следователи щеголяют позолоченными «паркерами»?

— А что вы знаете о «Кексе правды»? — внезапно спросил он, и я вздрогнула.

— Понятия не имею. В моем ассортименте такого нет. Есть «Наполеон», «Медовик», «Красный бархат», но никакого «Кекса правды». Это, наверное, какая-то метафора.

— Или рецепт, — задумчиво произнес Воронов. — Весьма старый и весьма опасный рецепт, за который некоторые люди готовы убить. Вам это ни о чем не говорит?

Я отрицательно помотала головой. В голове крутилась одна мысль: Сосипатра держала в руке записку с этими словами. Значит, она знала о нем. И кто-то очень не хотел, чтобы она поделилась этим знанием. Или наоборот — хотел, чтобы она замолчала навсегда.

— Ладно, — вздохнул Воронов. — Пока что вы проходите как свидетель. Но учтите, если экспертиза подтвердит, что яд был именно в ваших эклерах, статус изменится. Свободны. Но из города не уезжать, телефон не отключать, и вообще — вести себя примерно.

Я встала, чувствуя, как затекли ноги. Лерка ждала меня в коридоре, нервно теребя в руках сумочку.

— Ну что? — набросилась она на меня. — Сажают? Или сразу расстрел?

— Обошлось без крайних мер, — успокоила я подругу. — Но пахнет жареным. Вернее, печеным. Лера, ты не слышала никогда о «Кексе правды»?

Лерка задумалась, наморщив лоб.

— Знаешь, — протянула она, — у нас в поселке ходит легенда. Говорят, давным-давно, еще до революции, жила здесь одна купчиха, Аглая Перепонкина. И был у нее семейный рецепт кекса, который мог заставить любого человека сказать правду. Кто съест кусочек — мигом расколется во всех грехах. Ее боялись, ненавидели и обожали одновременно.

— И что с ней стало?

— Пропала, — Лерка понизила голос до трагического шепота. — А рецепт исчез. Но ходят слухи, что одна из потомственных семей в «Шале-Петушках» хранит его до сих пор. И время от времени этот рецепт всплывает. И тогда...

Она не договорила, многозначительно проведя пальцем по горлу. Я сглотнула. Перспектива вырисовывалась нерадужная. Кто-то ищет старинный рецепт, способный выводить лжецов на чистую воду. И этот кто-то готов убирать свидетелей. А я, Манефа Полуэктова, со сво-

ими невинными эклерами, похоже, оказалась прямо в центре этой кулинарно-криминальной бури.

— Надо найти этот рецепт, — сказала я твердо. — Или того, кто за ним охотится. Пока меня окончательно не превратили в главную отравительницу района.

Лерка с энтузиазмом закивала, и ее шиньон качнулся, словно живое существо.

— Я с тобой! — заявила она. — В конце концов, когда еще выпадет шанс узнать, изменял ли мой благоверный с нашей соседкой. Вот найдем кекс и проверим!

Я закатила глаза. Кажется, у нас намечается новое расследование. И на этот раз оно пахнет ванилью, миндалем и смертельной опасностью.

Я набрала номер Лерки. Гудки шли один за другим, и я уже начала нервничать, когда на том конце раздался запыхавшийся голос:

— Маня! Ты вовремя! Я как раз заканчиваю допрос свидетеля!

— Какого еще свидетеля? — насторожилась я.

— Да почтальона нашего, дяди Миши! Он мне такое рассказал — закачаешься! Оказывается, за день до убийства он видел, как к дому Сосипатры подъезжала черная иномарка с тонированными стеклами. Из нее вышел мужчина в длинном пальто, несмотря на жару, и с тростью. Натуральный злодей из немого кино! Дядя Миша говорит, что мужчина озибался по сторонам, словно боялся, что его увидят. А в руках у него была коробка. Знаешь, такие, в которых торты носят?

— Торты? — я чуть не выронила трубку. — Лера, ты уверена?

— Абсолютно! Дядя Миша хоть и выпивает иногда по праздникам, но зрение у него орлиное. И нюх тоже. Он сказал, что от коробки пахло миндалем. А миндаль, как известно, пахнет цианидом!

— Лера, миндаль пахнет миндалем, а цианид пахнет горьким миндалем, это разные вещи. Но всё равно — это улика! Значит, кто-то принес Сосипатре отравленную выпечку. И это был не я!

— Вот и я о том же! — радостно завопила Лерка. — Мы найдем этого типа в пальто и с тростью, и ты будешь оправдана! Может, это и есть тот самый Гастон, о котором говорила экономка?

— Не исключено. Лера, срочно приезжай. У меня есть письмо с угрозами, которое я стащила из шкапулки Сосипатры. И еще есть странное чувство, что мы ввязались в историю похлеще, чем сериал «Тайны следствия» на ночном канале.

— Выезжаю! И пирожки с капустой уже в пути. Кстати, у меня есть идея, где искать этого Гастона. Ты не поверишь, но в поселке недавно открылся кулинарный колледж имени Пьера Эскарго. Может, он там преподает? Или учится? Гастоны, они обычно французы. А французы все помешаны на кулинарии.

— Лера, не мели ерунды. Какой кулинарный колледж в нашем захолустье?

— Самый настоящий! Я сама видела рекламу в газете «Петушки-инфо». «Научим готовить, как в Париже, без отрыва от огорода». Так и написано. Приезжай, обсудим!

Я положила трубку и задумалась. Кулинарный колледж? В нашем поселке, где главным культурным событием является ежегодный конкурс на самый большой кабачок? Это что-то новенькое. Но в любом случае, эта информация требовала проверки. А еще мне не давал покоя таинственный незнакомец в пальто. В такую-то жару! Это мог быть только человек, который хотел скрыть свою внешность. Или тот, кто страдает хроническим насморком и не чувствует температуры. В любом случае, его нужно найти.

Пока Лерка добиралась, я решила еще раз изучить письмо. Я достала его из-под половицы (Марсель тут же попытался туда залезть, пришлось отогнать наглеца веником) и разложила на кухонном столе. Бумага была самая обыкновенная, такие продаются в любом канцелярском магазине. Шрифт — Times New Roman, кегль двенадцатый. Никаких особых примет, кроме

одной: буква «ё» в слове «отдашь» была напечатана с точками, а в слове «крыса» — без. Это говорило о том, что автор письма не очень внимателен к деталям, или намеренно допустил ошибки, чтобы запутать следствие. Я склонялась к первому варианту. Убийцы редко бывают перфекционистами.

Я перечитала текст: «Сосипатра, старая ты крыса. Если не отдашь вторую половину рецепта до пятницы, твои эклеры станут последним, что ты съешь. Мы знаем, что ты хранишь его. Отдай по-хорошему». Значит, у них был разговор о рецепте. Угроза вполне конкретная: если не отдаст — умрет. И она не отдала. И умерла. Вывод: убийца — тот, кто послал это письмо. И он где-то рядом. Может, даже наблюдает за мной сейчас, пока я тут расследую.

Я поежилась и задернула занавески. Марсель недовольно мяукнул — он любил сидеть на подоконнике и считать ворон за окном. Я дала ему кусочек вареной колбасы, чтобы компенсировать моральный ущерб. Кот, как известно, животное священное, и с ним лучше не ссориться. Особенно если он может сдать тебя врагам за лишнюю порцию «Вискаса».

В дверь позвонили. Я глянула в глазок — на площадке стояла Лерка с объемным пакетом в руках. Ее шиньон слегка съехал набок, а щеки покраснелись от быстрой ходьбы. За ее спиной маячила какая-то тень, и я насторожилась. Но тень тут же материализовалась в соседку бабу Ньюру, которая вечно подслушивала под дверью.

— Лера, проходи! — я втащила подругу в квартиру и быстро захлопнула дверь перед носом любопытной соседки.

— Уф, жара, — Лерка плюхнулась на табуретку и вытерла пот со лба. — Пирожки еще теплые, я только что из пекарни. Слушай, Мань, у меня по дороге созрела гениальная мысль. А что, если «Кекс правды» — это не просто рецепт, а что-то вроде пароля? Или кода? Может, там зашифровано какое-то послание?

— Всё может быть, — я налила нам чаю и выложила пирожки на тарелку. — Но пока что это единственная ниточка. Давай рассуждать логически. У нас есть письмо с угрозами, есть записка в руке покойной, есть легенда о купчихе Перепонкиной и две половины рецепта. Сосипатра явно хранила одну половину. Убийца требовал отдать ее. Значит, вторая половина где-то у кого-то еще. И этот кто-то может быть следующей жертвой.

— Или убийцей, — добавила Лерка и откусила пирожок. — М-м-м, с капустой и яйцом. Мои любимые. Знаешь, Мань, может, нам просто найти эту вторую половину и отдать ее Воронову? Пусть он сам разбирается. А мы отойдем в сторонку и будем печь кексы без правды.

— Не получится, — я покачала головой. — Воронов считает меня главной подозреваемой. Если я принесу ему еще и рецепт, он решит, что я пытаюсь запутать следствие. Да и потом, мне уже просто интересно. Кто этот таинственный Гастон? Почему он хочет заполучить рецепт? И главное — зачем убивать ради старого кулинарного секрета? Неужели кекс действительно заставляет говорить правду?

— А может, он не заставляет, а просто очень вкусный? — предположила Лерка. — И кто-то хочет продать его за миллион долларов какой-нибудь кондитерской корпорации? Представляешь, эклеры «Правда» в каждом супермаркете! Съел — и сразу признался, что забыл вынести мусор.

Я усмехнулась. Лерка умела разрядить обстановку даже в самые мрачные моменты. Но сейчас было не до шуток. Я развернула перед ней письмо.

— Смотри, — я ткнула пальцем в строчку. — «Вторую половину». Значит, первую он уже получил? Или он знает, что у Сосипатры именно вторая? Это важно. Если у убийцы уже есть первая часть, то он охотится за второй. Если же он только начинает, то мы можем его опередить.

— И где нам искать первую? — Лерка наморщила лоб. — Может, у той самой Маргариты Павловны, соседки? Они же враждовали. А вражда, как известно, часто возникает между

родственниками. Вспомни мою троюродную тетку Зину, которая не разговаривала с родной сестрой тридцать лет из-за того, что та у нее жениха увела.

— Идея неплохая, — согласилась я. — Тем более, что экономка говорила о Гастоне, который хотел опозорить Сосипатру на всю страну. Маргарита Павловна может знать, кто это. Надо к ней навеститься.

— Прямо сейчас? — Лерка оживилась. — Я готова! Только пирожок доем.

Через пятнадцать минут мы уже шли по улице поселка «Шале-Петушки» в направлении дома Маргариты Павловны. Поселок представлял собой причудливую смесь элитных коттеджей и обычных дачных домиков, где на грядках росли не столько газонная трава, сколько кабачки и укроп. Дом Маргариты Павловны находился в той части, где участки были поменьше, но зато каждый сражался за звание «Лучшего цветника». Именно в этой номинации Сосипатра и Маргарита были вечными соперницами. Сосипатра делала ставку на розы, Маргарита — на гладиолусы и георгины. Говорят, однажды они даже подрались на конкурсе, кидаясь друг в друга луковицами тюльпанов. С тех пор между ними черная кошка пробежала.

Калитка участка Маргариты была увита плющом, а на воротах красовалась табличка: «Осторожно, злая собака и еще более злая хозяйка». Лерка хихикнула:

— Мне уже нравится эта женщина. Чувствую, мы поладим.

— Не обольщайся, — прошептала я. — Она терпеть не может Сосипатру, а мы с ней были в приятельских отношениях. Как бы нас не спустили с лестницы.

Я нажала кнопку звонка. Из-за забора раздался оглушительный лай, от которого заложило уши. Лерка подпрыгнула и спряталась за мою спину. Через минуту калитка со скрипом отворилась, и на пороге возникла женщина лет шестидесяти, в широкополой садовой шляпе и с секатором в руке. Вид у нее был воинственный, словно она только что сошла с поля боя.

— Чего надо? — гаркнула она, разглядывая нас. — Если вы из налоговой, то я уже всё заплатила. Если из ЖЭКа, то трубы я сама починила. Если от Сосипатры — то передайте, что я ее розы и за километр обходить буду!

— Маргарита Павловна, — я сделала шаг вперед, — мы от... Сосипатры. Точнее, по поводу нее. Можно войти? У нас важный разговор.

Маргарита прищурилась, но, видимо, любопытство пересилило враждебность. Она махнула секатором в сторону дома.

— Заходите. Но если что — у меня в сарае топор, а в доме — баллончик с перцовкой. И собака. Собака, правда, старая, но гавкает громко.

Мы прошли в дом. Внутри было уютно, хоть и немного старомодно: кружевные салфетки, вышитые подушки, фотографии в рамках на стенах. Но больше всего поражало количество растений. Казалось, мы попали в оранжерею. На каждом подоконнике, на каждой полке, даже на полу в кадках стояли цветы. В воздухе витал запах земли, фиалок и чего-то сладкого, похожего на ваниль. Я невольно чихнула.

— Аллергия? — Маргарита усмехнулась. — Все вы, городские, хлипкие. Садитесь. Чаю не предлагаю — некогда. У меня гладиолусы сохнут, видать, опять кто-то соль подсыпал под корни.

— Это не мы! — быстро сказала Лерка. — Мы, наоборот, по делу о Сосипатре Дормидонтовне. Вы уже знаете, что она умерла?

— Знаю, — Маргарита сняла шляпу и бросила ее на вешалку. Под шляпой оказалась копна седых волос, заколотых в пучок. — Утром новость разнеслась. Я, честно говоря, не удивлена. Она кому угодно могла жизнь испортить. Но травить ее — это уже слишком. Я, конечно, мечтала, чтобы ее розы завяли, но не ее саму же.

— А вы не слышали, кто мог желать ей зла? — осторожно спросила я. — Может, какие-то споры, ссоры, угрозы?

Маргарита села в кресло и задумалась. Ее пальцы нервно теребили край салфетки.

— Ссор у нее было — на десятерых хватит, — наконец сказала она. — С мужем постоянно ругалась. Он у нее тихий такой, словно мышь под веником. Все терпел, а в последнее время, говорят, даже по ночам где-то пропадал. Она его подозревала в измене. Но это вряд ли — кому он нужен, кроме нее? С соседями тоже не ладила. Вон, с ЖЭКом судилась. С налоговой ругалась. Но чтобы убить... Не знаю. Хотя был один тип.

— Какой тип? — мы с Леркой подались вперед.

— Месяца два назад к ней зачастил какой-то хлыщ, — Маргарита понизила голос. — Весь из себя модный, на иномарке, в костюме. Представлялся кулинарным экспертом. Хотел купить у нее какой-то старинный рецепт. Она его гоняла, гоняла, а потом, видно, договорились. Я сама слышала, как она ему по телефону кричала: «Гастон, не смейте мне угрожать! Я свой рецепт никому не отдам, тем более вам!» А он ей что-то в ответ... ну, не знаю, я только конец слышала.

— Гастон! — выдохнула Лерка. — Точно! А вы не знаете, как его полное имя? Где он живет?

— Откуда ж мне знать? — Маргарита пожала плечами. — Я только фамилию запомнила, потому что она мне показалась знакомой. Какая-то вроде французская, но не французская. То ли Кулинаров, то ли Пирожков. Смешная такая.

— Кулинаров? — я чуть не поперхнулась. — Гастон Кулинаров? Это же известный телеведущий! У него шоу «Кулинарный детектив» по утрам! Я его видела! Он вечно готовит молекулярную кухню и говорит, что бабушкины рецепты — это прошлый век.

— Точно! — Маргарита хлопнула себя по колену. — Он самый. Сосипатра его терпеть не могла. Говорила, что он опозорит семейную честь, если получит рецепт. А он все ходил вокруг да около, масляный такой, словно блин на сковородке.

Я лихорадочно соображала. Гастон Кулинаров был медийной персоной, и найти его координаты не составило бы труда. Но что ему нужно от старухи из поселка? Зачем ему семейный рецепт? Неужели он действительно охотится за легендарным кексом, чтобы сделать из него шоу? Или за этим стоит что-то большее?

— Маргарита Павловна, — я решила ковать железо, пока горячо, — а вы случайно не знаете, у Сосипатры была вторая половина рецепта? Вы же, я слышала, тоже из старожилов. Может, и ваша семья владела чем-то подобным?

Маргарита вдруг замолчала и подозрительно на меня посмотрела.

— А ты, милочка, откуда знаешь про две половины? Это семейное предание. Его знают только те, кто в теме. Или ты тоже из Перепонкиных?

Вот так поворот! Я опешила. Перепонкина — девичья фамилия моей бабушки по материнской линии. Но я никогда не связывала ее с купчихой Аглаей. Просто красивая фамилия, редкая. Неужели...

— Маргарита Павловна, — медленно произнесла я, чувствуя, как внутри всё холодеет, — вы хотите сказать, что род купчихи Перепонкиной не угас?

— Не угас, — она покачала головой. — У нее было две дочери: Софья и Анна. Одна вышла замуж за чиновника и уехала в Петербург, вторая осталась здесь. От них пошли две ветви. И хранительницы рецепта передавали его по наследству, но только дочерям. Каждая ветвь владела своей половиной. Говорили, что только объединив их, можно испечь истинный «Кекс правды». Но сестры поссорились еще сто лет назад, и с тех пор половины хранились порознь. У одной ветви — одна, у другой — вторая. Сосипатра была из одной ветви. А вы, Манефа, — из другой. Я это сразу поняла, как только вы вошли. У вас нос, как у Аглаи с портрета. И глаза. И еще эта ваша любовь к выпечке... Семейное, видать.

Я сидела, оглушенная. Моя бабушка, тихая и скромная женщина, никогда не рассказывала о таком наследстве. Она просто учила меня печь, говорила, что это у нас в крови. И

вот теперь выясняется, что я — потомственная хранительница половины какого-то древнего рецепта, за который убивают людей. Мне стало не по себе.

Лерка смотрела на меня с раскрытым ртом.

— Манька, так ты у нас прям потомственная аристократка-кондитерша! — воскликнула она. — Ну, теперь точно надо найти убийцу, пока он до твоей половины не добрался!

— Тише, — шикнула я. — Маргарита Павловна, а как вы догадались? Вы знали мою бабушку?

— Знала, — Маргарита кивнула. — Она была подругой моей матери. Они иногда встречались и шептались о чем-то. Я тогда маленькая была, не понимала. А потом бабушка твоя пропала. Уехала куда-то и не вернулась. Мать моя говорила, что она «хранит тайну». И наказывала мне никому не рассказывать. А теперь вот... Сосипатру убили. Значит, кто-то начал охоту. И следующей можешь быть ты.

По моей спине пробежал холодок. Я вспомнила, что бабушка действительно уехала в дом престарелых за несколько лет до смерти и почти ни с кем не общалась. Может, она пряталась? Прятала свою половину рецепта? Но где она? В нашей семье не осталось никаких старинных бумаг, кроме кулинарной книги. Книга! Я же вчера смотрела на фотографию прабабки. Может, там что-то спрятано?

— Маргарита Павловна, вы не знаете, как выглядит эта половина рецепта? Это листок бумаги? Или что-то еще?

— Говорят, это две половинки одной тарелки, — она понизила голос до шепота. — Фарфоровой, с росписью. Если сложить их вместе, получится целая тарелка с рецептом на обороте. Но точно никто не знает. Я только слухи пересказываю.

Фарфоровая тарелка? Это уже было совсем интересно. Я мысленно перебрала содержимое бабушкиного серванта, который после ее смерти перешел ко мне. Там стоял старый фарфоровый сервиз с пастушками, но все тарелки были целыми. Никаких половинок. Хотя... была одна тарелка с трещиной, которую я никогда не использовала. Она лежала отдельно, завернутая в тряпку. Может, это она? Я решила обязательно проверить, когда вернусь домой.

— Спасибо вам, Маргарита Павловна, — я встала. — Вы нам очень помогли. Если вспомните еще что-то о Гастоне Кулинарове или о ком-то еще, пожалуйста, позвоните мне. Вот мой телефон.

Я написала номер на салфетке и протянула ей. Маргарита взяла ее, но в глазах у нее была тревога.

— Вы бы поосторожнее, девочки, — сказала она. — Если этот Гастон узнает, что вы тоже наследница, он и до вас доберется. А я старая, мне терять нечего, кроме гладиолусов. Но вы-то молодые еще. Особенно ты, Манефа. У тебя дар, я чувую. Так что береги себя.

Мы попрощались и вышли на улицу. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени от заборов ложились на дорогу. Я чувствовала, как в голове роятся сотни мыслей. Гастон Кулиarov, телеведущий, охотится за фарфоровой тарелкой с рецептом. Сосипатра была хранительницей одной половины, а я, выходит, наследница второй. Значит, убийца может прийти и ко мне. Нужно немедленно проверить бабушкин сервиз и найти свою половину раньше, чем это сделает он.

— Лера, — повернулась я к подруге, — ты можешь узнать, где сейчас находится Гастон Кулиarov? У него должно быть расписание съемок или что-то в этом роде. Позвони на телевидение, прикинься его фанаткой. Скажи, что хочешь передать ему банку варенья.

— Фанаткой? — Лерка оживилась. — Легко! У меня талант притворяться. Я ему такого наговорю — он сам прибежит знакомиться. А ты что будешь делать?

— Я поеду домой и проверю бабушкин сервант. Кажется, у меня есть тарелка, которая может оказаться той самой половинкой. И если это так... — я замолчала.

— Что тогда? — Лерка заглянула мне в лицо.

— Тогда я узнаю, что скрывается за этим рецептом. И почему за него убивают.

Мы разделились. Лерка помчалась к автобусной остановке, чтобы ехать на телецентр, а я быстрым шагом направилась домой. В голове крутились обрывки легенд и фактов. Купчиха Аглая, две дочери, проклятие, Гастон... Неужели в двадцатом веке кто-то верит, что кекс может заставить говорить правду? Скорее всего, здесь замешаны деньги. Уникальный рецепт можно продать за огромную сумму какой-нибудь кондитерской компании. Или сам Гастон хочет сделать из этого сенсацию для своего шоу, чтобы поднять рейтинг. Но идти на убийство? Это уже слишком.

Дома я первым делом рванула к серванту. Марсель с недоумением наблюдал за мной с дивана, лениво помахивая хвостом. Я открыла нижний ящик, где хранились старые скатерти и завернутые в тряпочки редкие тарелки. Та самая треснутая тарелка лежала на самом дне. Я бережно извлекла ее и развернула. Это была небольшая десертная тарелочка с пастушеским мотивом. На ней действительно зияла трещина, но что самое интересное — трещина шла точно по центру, разделяя рисунок на две симметричные половинки. Словно кто-то специально разрезал тарелку, а потом склеил, но неудачно.

Я перевернула тарелку. На обороте было что-то написано. Мелким, бисерным почерком, выцветшими чернилами. Я поднесла ее к свету и начала разбирать слова: «Мука — 2 стакана, масло сливочное — 200 грамм, яйца — 5 штук...» Обычный рецепт. Но в конце была приписка: «Сей рецепт есть лишь половина. Дабы испечь истинный Кекс Правды, соедини две части воедино. И да откроется тебе истина».

У меня задрожали руки. Значит, это правда. Я держу в руках половину того самого рецепта. И если Сосипатра была хранительницей второй половины, то ее убили из-за этого. Убийца заполучил ее половину, и теперь ему нужна моя. И он придет за ней.

Я быстро завернула тарелку обратно в тряпку и спрятала в более надежное место — под половицу на кухне, туда же, где лежало письмо. Марсель было сунулся, но я шикнула на него, и он ретировался. Затем я села за стол и попыталась успокоиться. Итак, у меня есть улика, которой нет у полиции. Но я не могу просто сидеть и ждать, пока убийца ворвется в мой дом. Нужно действовать на опережение. Найти Гастона и вывести его на чистую воду.

В этот момент зазвонил телефон. Лерка.

— Маня, ты не поверишь! — затараторила она. — Я была на телецентре, прикинулась этой, как ее, фанаткой. Сказала, что я из общества любителей старинных рецептов и хочу вручить Гастону Кулиарову почетный венок из лавровых листьев. Меня, конечно, чуть не выгнали, но я успела подслушать разговор двух гримерш. Они говорили, что Гастон сегодня вечером будет на каком-то закрытом кулинарном поединке в ресторане «Белая акация». Это за городом, на бывшей барской усадьбе. Он там будет со своей командой, и они собираются готовить какой-то «исторический десерт». Как думаешь, это не тот самый кекс?

— «Белая акация»? — я подскочила. — Я знаю это место. Там часто проводят банкеты и съемки. Если Гастон действительно будет там, это наш шанс. Мы должны проникнуть на это мероприятие и выяснить, что он замышляет.

— Но как? Туда просто так не пустят, — в голосе Лерки звучало сомнение. — Нужен повод.

— Повод у нас есть, — я улыбнулась. — Я — известный кондитер в узких кругах, между прочим. И у меня есть эклеры, которые могут составить конкуренцию любому молекулярному шедеву. Мы представимся участниками. Скажем, что хотим бросить вызов самому Кулиарову. В крайнем случае, прикинемся обслуживающим персоналом. У тебя же есть форма горничной?

— Вообще-то есть, — Лерка замялась. — С прошлого Хэллоуина осталась, когда я изображала французскую субретку. Но, Мань, ты уверена? Это опасно. Вдруг Гастон нас узнает? Или еще хуже — у него там охрана.

— Не узнает, — уверенно сказала я. — Мы будем действовать аккуратно. Наша цель — наблюдать, а не вступать в открытый конфликт. Если Гастон действительно убийца, мы соберем доказательства и передадим Воронову. Если нет — узнаем, кто еще может стоять за этой историей.

— Ладно, уговорила, — вздохнула Лерка. — Встречаемся через час у меня. Я приведу себя в порядок и надену парик. А то мой шиньон слишком заметный. А ты захвати свои эклеры. Будем внедряться.

Я положила трубку и впервые за день почувствовала азарт. Да, это рискованно. Да, Воронов будет в ярости, если узнает. Но кто не рискует, тот не пьет чай с победным тортом. Я быстро собрала корзинку с эклерами (свежими, без цианида, разумеется), надела свой самый нарядный фартук — с вышивкой «Королева кухни» — и вызвала такси. Марселю я оставила двойную порцию корма и строгий наказ охранять квартиру. Кот посмотрел на меня так, словно говорил: «Опять ты ввязываешься в неприятности? Ну-ну, посмотрим, кто тебя будет вытаскивать на этот раз».

Через час мы с Леркой, преображенной в скромную официантку с черным париком и белым передничком, стояли у ворот ресторана «Белая акация». Это было величественное здание девятнадцатого века с колоннами и лепниной, в прошлом — усадьба какого-то графа. Теперь здесь устраивали элитные мероприятия, и охрана была соответствующая. На входе стояли два амбала в черных костюмах, проверяющие приглашения.

— Ну всё, Маня, пропадем, — зашептала Лерка. — У нас нет приглашений.

— Спокойно, — я поправила фартук и уверенным шагом направилась ко входу. — Следуй за мной и молчи.

Я подошла к охраннику и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

— Я Манефа Полуэктова, кондитер-эксперт. Меня пригласил Гастон Кулинарув для участия в поединке. А это моя ассистентка, — я кивнула на Лерку. — У нас с собой образцы десертов для дегустации.

Охранник нахмурился, сверился с каким-то списком на планшете.

— Вас нет в списках, — прогудел он. — Никаких кондитеров Полуэктовых здесь не значится.

— Как это не значится? — я изобразила возмущение. — Это какая-то ошибка. Позвоните Гастону, он подтвердит. Мы договаривались на прошлой неделе.

На самом деле я, конечно, блефовала, уповаю на то, что в суматохе мероприятия никто не будет звонить телезвезде. И, к моему удивлению, сработало. Охранник нехотя убрал планшет и буркнул:

— Ладно, проходите. Но если что — вылетите отсюда пробкой.

Мы вошли в холл. Сердце колотилось где-то в горле, но я старалась сохранять невозмутимый вид. Лерка сзади тихонько присвистнула:

— Ну ты даешь, Манька! Врожденный талант аферистки! Я всегда знала, что из тебя вышел бы отличный наперсточник.

— Я не аферистка, я импровизатор, — поправила я. — Теперь давай осмотримся и найдем, где проходит этот поединок.

Ресторан внутри был отделан в стиле ампир: хрустальные люстры, зеркала, позолота. Гостей было немного, в основном — разодетая публика, которая явно пришла посмотреть на шоу, а не участвовать. В углу стояли столики с закусками и шампанским. Я принялась: пахло трюфелями и какими-то экзотическими специями. Обычная еда для таких мероприятий.

В главном зале, куда мы попали, следовало искать сцену. Там, под софитами, были расставлены кулинарные столы с плитами, кастрюлями и прочей утварью. А перед ними стоял человек, которого я сразу узнала по многочисленным фотографиям в журналах. Гастон Кулинарув. Высокий, худощавый мужчина с ухоженной бородкой и в белоснежном поварском

кителе. Он что-то оживленно обсуждал с двумя ассистентами, размахивая руками. Рядом с ним стояла женщина с блокнотом — видимо, сценарист или продюсер.

— Смотри, — Лерка ткнула пальцем. — Вон он, наш злодей! Как его только земля носит?

— Тише, — я схватила ее за руку. — Сейчас не время для разоблачений. Нам нужно подойти поближе и понять, о чем он говорит. Может, он упомянет рецепт или тарелку.

Мы смешались с небольшой толпой гостей, которые подтягивались к сцене. Я пыталась расслышать слова Гастона. До меня донеслись обрывки фраз: «...уникальный десерт... секрет старых мастеров... сегодня мы приподнимем завесу тайны...» У меня мурашки поползли по коже. Неужели он собирается прямо здесь, на публике, продемонстрировать «Кекс правды»? Но для этого ему нужны обе половинки рецепта. Если он уже завладел тарелкой Сосипатры, то у него только половина. Значит, он либо блефует, либо... либо у него есть и моя половина? Нет, моя половина лежит дома под половицей. Или он уже нашел ее копию?

Я решила подойти еще ближе, прикинувшись журналисткой. Достала из сумки диктофон (который всегда носила с собой — привычка, оставшаяся с тех пор, когда я брала интервью для кулинарного блога) и, протиснувшись через толпу, оказалась почти у самой сцены. Гастон как раз повернулся к залу и начал свою речь.

— Дамы и господа! Сегодня я открою вам секрет, который хранился веками! — его голос звучал театрально и пафосно. — Многие слышали легенду о «Кексе правды». Кто-то считает ее выдумкой, кто-то — мистикой. Но я, Гастон Кулинарув, нашел доказательства того, что этот рецепт существует! И сейчас я его воссоздам!

Зал ахнул. Раздались аплодисменты. Я же замерла, боясь пропустить хоть слово.

— Для этого мне понадобилось несколько месяцев поисков, — продолжал Гастон. — Я объездил архивы, встречался с потомками старинного рода, и наконец две части единого целого оказались у меня в руках. Вот они!

Он театральным жестом указал на поднос, который внес ассистент. На подносе, покрытом бархатной салфеткой, лежали... две половинки фарфоровой тарелки. Одна была точь-в-точь как моя, только с другим рисунком пастушки. Вторая... Я вгляделась. Вторая была совсем как та, что лежала у меня дома! Неужели Гастон украл и мою? Или это подделка?

— Сейчас я соединю их, — Гастон взял обе половинки и поднес друг к другу, — и вы увидите, как на обратной стороне проявится полный текст величайшего кулинарного секрета!

Я не выдержала. Если он сейчас соединит тарелки, то узнает рецепт, и неизвестно, что будет дальше. Возможно, он сразу же приготовит кекс на глазах у публики, и тогда... что? Что такого в этом рецепте, что за ним убивают? Я должна была остановить его, но как? Внезапно в голове созрела безумная идея.

— Подождите! — я выскочила вперед и взобралась на сцену. — Это подлог! У него нет настоящего рецепта!

Все взгляды обратились ко мне. Гастон вздрогнул и уставился на меня с плохо скрываемым раздражением.

— Кто вы такая? — резко спросил он. — Охрана, уберите эту сумасшедшую!

Но я уже шла к нему, доставая из корзинки свой эклер.

— Я Манефа Полуэктова, прямой потомок Аглаи Перепонкиной! — громко заявила я. — И я утверждаю, что у вас поддельные тарелки. Потому что настоящая половина рецепта находится у меня!

В зале воцарилась гробовая тишина. Гастон побледнел, его рука с тарелкой дрогнула. Он явно не ожидал такого поворота. А я тем временем разломала эклер пополам и показала всем:

— Вот, смотрите! В этом эклере — часть секрета, переданного мне бабушкой. А вы, Гастон, мошенник и, возможно, убийца!

— Что за чушь! — взревел Кулинарув. — Уберите ее! Это провокация!

Охрана двинулась ко мне, но тут на сцену выскочила Лерка, размахивая своим блокнотом.

— А я свидетельница! — закричала она. — Я видела, как Гастон угрожал Сосипатре Гуськовой! И у меня есть доказательства!

Это был блеф, но блеф гениальный. Публика загудела. Кто-то достал телефоны и начал снимать. Гастон заметался, бросил тарелки обратно на поднос и попытался скрыться за кулисами, но путь ему преградили два человека в штатском, которые внезапно появились из-за сцены. В одном из них я узнала Воронова. Он поднял руку, призывая к тишине.

— Гражданин Кулинарув, вы арестованы по подозрению в убийстве Сосипатры Дормидонтовны и попытке завладения чужим имуществом. А также в организации преступного сообщества. Пройдемте с нами.

— Что? — Гастон отшатнулся. — Вы не имеете права! Это моя собственность! Я нашел эти тарелки!

— Вы нашли их в доме убитой, — холодно ответил Воронов, — после того, как подсыпали цианид в эклеры, которые доставили ей от имени кондитера Полуэктовой. Ваша подпись на заказе доставки совпадает с образцами. Мы провели экспертизу. А также ваши угрозы в письме — мы нашли его у вас в офисе. Всё кончено, Кулинарув.

Я стояла на сцене, все еще сжимая в руке эклер. Так значит, это Гастон заказал доставку моих эклеров с ядом? Он подстроил все так, чтобы подозрение пало на меня? А письмо с угрозами он написал Сосипатре, требуя рецепт. Когда она отказалась, он убил ее. И украл ее половину тарелки. Но мою половину он так и не получил.

Воронов подошел ко мне. Вид у него был, мягко говоря, недовольный, но в уголках губ пряталась усмешка.

— А вы, Манефа Сергеевна, как всегда, в своем репертуаре, — сказал он. — Опять лезете в пекло раньше пожарных. Хотя должен признать, ваше появление здесь ускорило развязку.

— Так вы всё знали? — изумилась я. — Знали, что это Гастон?

— Знали, но не хватало доказательств, — Воронов вздохнул. — Мы разрабатывали его уже месяц. Но вы со своей подружкой спутали нам все карты. Однако ваша выходка на сцене спровоцировала его на панику, и он попытался сбежать. За это спасибо. Но в следующий раз, пожалуйста, не мешайте профессионалам. Хотя... — он посмотрел на мой эклер, — профессионалом вы тоже являетесь. Кулинарным.

— Значит, я оправдана? — тихо спросила я.

— Да, — кивнул Воронов. — Убийца арестован. Ваши эклеры реабилитированы. А теперь, будьте добры, покиньте место проведения следственных действий. И, Манефа Сергеевна...

— Что?

— Торт, который вы обещали испечь. Я не забыл. Жду его завтра в участке. И чтобы без цианида.

Я улыбнулась. Лерка подбежала ко мне и крепко обняла.

— Мы это сделали! — воскликнула она. — Еще одно дело раскрыто! Может, откроем свое детективное агентство? «Сыщик с поварешкой»! Или «Эклеры и улики»!

— Давай сначала отпразднуем, — я рассмеялась. — Кажется, у меня дома есть фарфоровая тарелка, которая ждет, когда ее соединят с законной парой. Но кекс правды я печь не буду. Хватит с нас правды на сегодня. Испечем лучше обычный медовик. Для Воронова.

Мы покинули «Белую акацию» под звуки полицейских сирен и вспышки камер. Репортеры, которые сбежались на скандал, уже строчили заметки о разоблачении Гастона Кулинарува. Я знала, что завтра все газеты напишут о «Кексе правды» и о том, как скромная домохозяйка помогла следствию. Но сейчас меня волновало только одно: Марсель, небось, уже съел всю колбасу. Пора домой.

Вечером мы с Леркой сидели у меня на кухне, пили чай с тем самым эклером (который, кстати, оказался без яда — я его сама пекла) и обсуждали детали. Марсель, получив двойную порцию угощения, мирно спал на коленях у Лерки.

— Знаешь, Мань, — задумчиво сказала подруга, — а ведь мы так и не узнали, в чем секрет «Кекса правды». Что в том рецепте такого, что Гастон убил человека?

— Возможно, ничего, — я пожала плечами. — Может, это просто старый рецепт очень вкусного кекса. А Гастон хотел сделать из него сенсацию для своего шоу, боялся, что Сосипатра продаст его конкурентам. Или, наоборот, она угрожала раскрыть его махинации. Мы уже никогда не узнаем точно. Но одно я знаю точно.

— Что?

— Что настоящий секрет выпечки — не в рецепте, а в душе. И никакой кекс не заставит человека сказать правду, если он сам того не захочет. А вот любовь и капелька ванили — заставят улыбнуться. Это и есть правда.

Лерка вздохнула и откусила еще кусочек эклера.

— Философ ты, Манька. Ладно, давай спать. Завтра нам еще торт для Воронова печь. Может, сделаем его с сюрпризом? Запечем туда записку с признанием в любви?

— Лера!

— Шучу, шучу. Хотя он и правда на тебя как-то странно смотрел. Глазами кофе-глясе. Может, пригласить его на ужин? Я могу приготовить свое фирменное рагу. Правда, в прошлый раз, когда я его готовила, соседи вызвали пожарных, но это мелочи...

Я рассмеялась и пошла стелить постель. День закончился, а с ним — и дело о смертельном кексе. Но я знала, что это не последнее приключение в моей жизни. В конце концов, пока есть Лерка, Марсель и любопытство, скучно мне не будет. А там, глядишь, и Воронов еще зайдет за тортом. И, может быть, не только за тортом.

Глава 3. Следователь с глазами цвета кофе-глясе

Утро после разоблачения Гастона Кулинарова выдалось на редкость солнечным и почти мирным. Почти — потому что в моей квартире с семи утра царил хаос, который могла устроить только Лерка, вооруженная банкой взбитых сливок и идеями, что торт для следователя должен быть «не просто тортом, а кулинарным признанием в невиновности с элементами драмы». Я стояла у плиты, переворачивая блинчики для будущего медовика, и размышляла о том, как быстро меняется жизнь. Еще вчера я была подозреваемой в убийстве, а сегодня — приглашенный кондитер для полицейского участка. Воронов, конечно, пошутил насчет торта без цианида, но я отнеслась к его просьбе серьезно. Если уж восстанавливать репутацию, то с помощью безупречного медовика.

— Маня, ну сколько можно возиться с этими блинами? — Лерка ворвалась на кухню с видом полководца, проигравшего битву, но не сдавшегося. Ее парик съехал набок, а передник был перепачкан шоколадом. — У меня крем расслаивается! Я добавила туда коньяк для аромата, а он взял и свернулся. Может, это знак свыше, что Воронову нельзя пить? Вдруг он тайный трезвенник?

— Лера, — я вздохнула, перекладывая блин на тарелку, — ты добавляешь коньяк в сметанный крем, который не терпит спирта. Это все равно что пытаться подружить кота с пылесосом. Теоретически возможно, но на практике — катастрофа. Давай я сама сделаю крем.

— Нет, это мой вклад! — Лерка надулась. — Я хочу, чтобы Воронов знал, что я тоже имею отношение к торжеству справедливости. Может, мне просто написать на торте «Лера Каблукова — лучший детектив-любитель»? Или выложить шоколадными буквами «Свободу эклерам!»?

— Напишем просто «Спасибо за справедливость», — примирительно сказала я. — И, ради всего святого, отойди от миксера. Ты уже испортила две порции крема, а у меня сегодня еще запланирован визит Воронова за тортом, а не за повесткой в суд за порчу продуктов.

Лерка обиженно фыркнула, но от миксера отошла. Марсель, наблюдавший за происходящим с верхней полки холодильника, неодобрительно мяукнул. Он вообще не любил суеты на кухне, если только эта суета не сопровождалась выдачей ему кусочка колбасы. Я бросила ему ломтик ветчины, чтобы задобрить, и вернулась к блинам.

Вчерашний вечер прошел как в тумане. После нашего триумфального возвращения из «Белой акации» мы с Леркой допоздна обсуждали детали, пили чай и строили планы. Я смотрела на фарфоровую тарелку, спрятанную под половицей, и думала: что же все-таки скрыто в этом рецепте? Гастон Кулинаров, блестящий телеведущий, пошел на убийство ради старой тарелки. Неужели всё дело только в рейтингах? Воронов сказал, что он действовал в составе «преступного сообщества». Значит, у него были сообщники. И если арестовали только его, то остальные всё еще на свободе. И они могут знать обо мне. Эта мысль заставила меня поежиться и плотнее задернуть занавески.

К десяти утра торт был готов. Он представлял собой трехъярусное сооружение из медовых коржей, пропитанных нежнейшим сметанным кремом (моим, не Леркиным), и украшенное марципановыми розами и шоколадными завитками. На верхушке я вывела кремом: «Правосудие слаще меда». Лерка предложила добавить в торт сюрприз — запечь внутри записку с предсказанием, как в китайском печенье, но я отказалась. Следователю не нужны предсказания, ему нужны факты. А у меня, честно говоря, фактов было маловато.

Ровно в одиннадцать в дверь позвонили. Я поправила фартук (сегодня он был нежно-голубым, с вышитыми васильками — подарок Лерки на прошлый день рождения) и пошла открывать. На пороге стоял Воронов. Сегодня он был без пиджака, в светлой рубашке с зака-

танными рукавами и с папкой в руках. Его глаза цвета кофе-глясе смотрели на меня с усталым любопытством.

— Манефа Сергеевна, — он слегка кивнул. — Надеюсь, я не помешал вашему кулинарному творчеству?

— Что вы, Аркадий... э-э... — я запнулась. — Простите, я так и не узнала вашего отчества.

— Можно просто Аркадий, — он неожиданно улыбнулся, и от этой улыбки его лицо перестало быть похожим на мраморную статую. — Или следователь Воронов, если вам так привычнее. Я, собственно, за тортом. И за разговором.

— Проходите, — я посторонилась, пропуская его в квартиру. — Торт готов, чай сейчас заварю. Лера, у нас гость!

Лерка выпорхнула из кухни, успевшая сменить парик на более приличный шиньон и подкрасить губы. При виде Воронова она кокетливо потупила взгляд и сделала что-то вроде реверанса.

— Ой, Аркадий! А мы вас ждали! — пропела она. — Тортик уже на подходе. Садитесь, не стесняйтесь. У нас уютно, как в бабушкиной гостиной. Только кот иногда кусается, но это он любя.

Воронов с некоторой опаской покосился на Марселя, который как раз появился в коридоре, чтобы оценить гостя. Кот обошел следователя по кругу, обнюхал его ботинки, чихнул и удалился, задрал хвост. Видимо, аудиенция прошла успешно.

Мы прошли в гостиную. Я быстро накрыла на стол: чашки с блюдами, заварной чайничек, тарелка с нарезанным тортом. Лерка суежилась, подкладывая салфетки и норовя подвинуть Воронову самый большой кусок. Когда все расселись, воцарилась неловкая пауза. Я понимала, что Воронов пришел не просто за тортом. У него было ко мне дело, и я догадывалась, какое.

— Манефа Сергеевна, — начал он, сделав глоток чая, — торт изумительный. Честно. Я не большой любитель сладкого, но это... произведение искусства.

— Спасибо, — я улыбнулась. — Но вы хотели поговорить не о торте, верно?

— Верно, — он отставил чашку и посмотрел на меня серьезно. — Вчера, после вашего эффектного выступления, мы допросили Кулинарова. И выяснили интересные вещи. Во-первых, он действительно был одержим легендой о «Кексе правды». Считал, что этот рецепт принесет ему мировую славу. Но он был не один. У него имелся сообщник, который скрылся. Некто, кого Гастон называл «Антиквар». Личность пока не установлена. Мы изъяли половину тарелки, которую он украл у Сосипатры. И теперь у нас есть одна часть.

Он сделал паузу, и я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Он знает. Или догадывается. Моя тарелка... Я невольно бросила взгляд в сторону кухни, где под половицей лежало мое сокровище.

— Манефа Сергеевна, — продолжил Воронов, — Маргарита Павловна, ваша соседка по поселку, дала показания. Она упомянула, что вы являетесь потомком купчихи Перепонкиной по другой ветви. И что у вас, вероятно, хранится вторая половина тарелки. Это правда?

Лерка перестала жевать торт и замерла. Я вздохнула. Отпираться было бессмысленно. Воронов — профессионал, и он все равно бы докопался до истины.

— Правда, — я кивнула. — Бабушка оставила мне старую фарфоровую тарелку с трещиной. Я никогда не придавала ей значения, пока не услышала эту легенду. Там на обороте часть рецепта. Но я не знала, что это то самое.

— Вы позволите взглянуть? — Воронов подался вперед.

Я колебалась лишь мгновение. Затем встала и прошла на кухню. Отодвинув половицу (Марсель тут же попытался туда нырнуть, пришлось отогнать), я извлекла завернутую в тряпочку тарелку. Вернувшись в гостиную, я положила ее на стол перед следователем.

— Вот. Это семейная реликвия. Можете осмотреть.

Воронов бережно взял тарелку. Он повертел ее в руках, прочитал надпись на обороте, потом внимательно изучил трещину.

— Удивительно, — пробормотал он. — Ручная работа, фарфор, XIX век. И рецепт. Скажите, а вы когда-нибудь пытались соединить эту половинку с какой-то другой?

— Нет, — я покачала головой. — У меня не было второй части. Только эта.

— А у нас есть вторая, — Воронов открыл папку и извлек оттуда еще один сверток. — Тарелка Сосипатры. Проходит как вещественное доказательство, но я взял ее под свою ответственность. С разрешения начальства, разумеется. Мне кажется, пришло время соединить две половинки и узнать, что скрывал этот рецепт.

Лерка ахнула и захлопала в ладоши. Я же смотрела на Воронова с недоверием.

— Вы хотите сделать это прямо здесь? Сейчас? Но зачем? Разве это не должно происходить в лаборатории?

— Лаборатория исследует химический состав, — улыбнулся Воронов. — А я хочу увидеть, что произойдет, когда две части сойдутся. В легенде сказано, что «истина откроется». Возможно, это просто метафора. Но в нашем деле любая зацепка важна. И потом, — он взглянул на меня, — вы потомственная хранительница. Без вас это таинство не будет полным.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Таинство? Воронов, кажется, сам начал верить в мистику. Впрочем, я тоже. Слишком много странных совпадений.

— Хорошо, — решила я. — Давайте попробуем.

Мы расчистили стол. Я положила свою тарелку, Воронов — свою. Две половинки действительно были как две капли воды похожи, только рисунок на пастушках различался: на моей была пастушка с овечкой, на той, что принадлежала Сосипатре, — с корзинкой цветов. Обе были разрезаны ровно посередине, словно кто-то специально разделил их алмазным резцом. Я поднесла одну к другой. Трещины совпали идеально. С легким щелчком половинки соединились, образовав целую тарелку. Мы затаили дыхание.

И тут произошло нечто неожиданное. Буквы на обороте, которые были выцветшими и едва заметными, вдруг начали словно проступать ярче. Я протерла глаза. Этого не могло быть! Но и Лерка, и Воронов видели то же самое. Старые чернила, которые, казалось, выцвели навсегда, начали наливать темно-коричневым цветом, и весь текст рецепта стал отчетливо читаться. Но не только это. Вокруг основного текста, который теперь составлял связный рецепт кекса, проявлялись дополнительные строчки, написанные более мелким шрифтом и явно другой рукой. Они складывались в нечто вроде стихотворения или шифра.

— Смотрите! — Лерка ткнула пальцем. — Это же не просто рецепт! Это какая-то криптограмма!

Воронов достал лупу (похоже, он всегда ходил с полным набором детективных инструментов) и принялся изучать проявившиеся строки. Я заглядывала ему через плечо. Дополнительный текст гласил:

«Где старый дуб на землю тень бросает, Где лилии цветут в ночной тиши,

Под камнем, что мхом времени поросшим, Скрыто то, что правду разрешит».

— Час от часу не легче, — выдохнула я. — Это что, карта сокровищ? Или указание на тайник?

— Скорее второе, — Воронов нахмурился. — Старый дуб, лилии, камень... Это описание какого-то конкретного места. Возможно, сада бывшей усадьбы Перепонкиной. Если верить историческим справкам, у нее было имение за городом, как раз неподалеку от «Шале-Петушков». Там до сих пор сохранились развалины.

— Так может, Гастон охотился не просто за рецептом, а за тем, что спрятано? — я задумалась. — Может, там клад? Или документы? Или еще что-то, что представляет ценность?

— Всё может быть, — Воронов аккуратно разъединил тарелки и завернул каждую в отдельный сверток. — Я должен проверить это место. Сегодня же. Манефа Сергеевна, вы и ваша неугомонная подруга, — он кивнул на Лерку, — останетесь здесь. Это дело становится опасным. Если сообщник Кулинарова на свободе, он тоже попытается найти тайник.

— Ну уж нет! — Лерка возмущенно вскочила. — Мы столько пережили, мы нашли эти тарелки, мы разоблачили Гастона! Мы имеем право участвовать! Тем более, — она понизила голос, — вдруг там привидения? А у меня есть опыт экзорцизма. Я в юности увлекалась спиритизмом.

— Лера, какие привидения? — я закатила глаза. — Но в одном она права. Мы не остаемся в стороне. К тому же, я знаю те места. Моя бабушка в детстве водила меня к развалинам старой усадьбы и рассказывала легенды. Может, я смогу помочь.

Воронов несколько секунд сверлил нас взглядом, потом вздохнул.

— Ладно. Но только при условии, что вы будете меня слушаться. Никакой самостоятельности, никаких побегов вперед и уж тем более никаких попыток запечь тайник в пирог. Договорились?

— Договорились! — хором ответили мы.

Я быстро собралась: надела удобные джинсы и кроссовки (платье и фартук оставила дома), захватила с собой фонарик, бутылку воды и, конечно, небольшой контейнер с эклерами — на случай, если операция затянется и захочется есть. Лерка сменила шиньон на бандану в стиле «Индиана Джонс» (у нее в сумочке всегда находилось что-то неожиданное) и вооружилась театральным биноклем. Марселя я оставила под присмотром бабы Нюры, благо та была рада любому поводу заглянуть в чужую квартиру.

Через час мы втроем ехали в служебной машине Воронова по направлению к заброшенной усадьбе Перепонкиных. За окном мелькали дачные участки, березовые рощи и поля. Солнце поднялось высоко, и день обещал быть жарким. Я смотрела на пейзаж и вспоминала бабушкины рассказы. Она говорила, что усадьба сгорела еще до революции, но сад и некоторые постройки сохранились. Там, по слухам, купчиха Аглая прятала свои секреты. Может, именно их и искал Гастон.

— Расскажите подробнее о сообщнике, — попросила я, обращаясь к Воронову. — Что за Антиквар?

— Мы знаем о нем немного, — ответил тот, не отрывая взгляда от дороги. — Кулинаров показал, что Антиквар сам вышел на него примерно полгода назад. Предложил сделку: он находит обе части тарелки, Гастон готовит кекс, а полученную «правду» они используют для... шантажа. Да-да, вы не ослышались. Антиквар утверждал, что рецепт позволяет не просто заставить человека говорить правду, а раскрывает некую информацию, способную скомпрометировать очень влиятельных людей. Что-то вроде архива компромата, зашифрованного в кулинарной книге.

— Ничего себе, — Лерка присвистнула. — Значит, кекс — это просто ключ? А сам десерт ничего не делает?

— Вероятно, так, — Воронов пожал плечами. — Хотя легенды утверждают, что тот, кто съест кекс, не может лгать. Но я думаю, это все же метафора. Рецепт — это шифр, а тарелки — части головоломки. Настоящая правда спрятана в тайнике, который мы ищем.

Я переваривала информацию. Значит, Гастон был не просто сумасшедшим кулинаром, а расчетливым аферистом. И где-то бродит Антиквар, который, возможно, уже знает о нашем открытии. Нужно спешить.

Машина свернула на проселочную дорогу и вскоре остановилась у покосившихся ворот. За ними виднелись заросли кустарника и остов каменного здания. Мы вышли. Воздух здесь был пропитан запахом трав и старого дерева. Тишину нарушало только пение птиц и стрекот кузнечиков.

— Приехали, — Воронов огляделся. — Усадьба Перепонкиной. Согласно архивным планам, старый дуб должен быть в глубине сада. Там же когда-то был пруд с лилиями. Идем.

Мы двинулись по тропинке, которая едва угадывалась под ногами. Лерка шла впереди, вооружившись биноклем и палкой, которой раздвигала крапиву. Воронов замыкал шествие, держа руку на кобуре. Я несла корзинку с эклерами и думала о том, что, возможно, через несколько минут мы найдем нечто важное. Или опасное.

Сад действительно сохранился. Старые яблони и груши, давно одичавшие, образовывали тенистые аллеи. Мы прошли мимо заросшего пруда, где среди ряски действительно белели кувшинки — или лилии? В центре сада возвышался огромный дуб. Его крона раскинулась на десятки метров, а у корней лежал большой замшелый камень.

— Тот самый, — прошептала я. — Как в стихах.

Мы приблизились. Воронов внимательно осмотрел камень и землю вокруг.

— Следы, — он указал на примятую траву. — Кто-то был здесь недавно.

— Антиквар? — Лерка испуганно огляделась.

— Возможно. Будьте осторожны.

Мы отодвинули камень. Под ним оказалась металлическая пластина с кольцом. Крышка погреба или тайника. Воронов потянул за кольцо. Пластина поддалась с противным скрипом, и вниз уходили каменные ступени.

— Мне это не нравится, — пробормотала Лерка. — Там темно и, наверное, пауки. Я пауков боюсь больше, чем бандитов.

— Оставайся здесь, — приказал Воронов. — А вы, Манефа, за мной. И включите фонари.

Мы начали спускаться. Воздух внизу был сырой и прохладный. Ступени привели в небольшую подземную комнату, выложенную кирпичом. В углу стоял старый сундук. Воронов подошел и осторожно открыл его. Внутри лежали кипы пожелтевших бумаг, перевязанных лентами, и небольшой ларец. Я подошла ближе и направила свет фонаря.

— Документы, — сказал Воронов, перебирая бумаги. — Долговые расписки, письма, какие-то списки... Имена! Здесь имена влиятельных купцов, чиновников начала века. И суммы. Это компромат, о котором говорил Кулинару. Перепонкина собирала тайны своих современников.

— Значит, «Кекс правды» — это метафора ее архива? — я была поражена. — Она хранила правду о людях, и тот, кто владел рецептом, то есть тарелкой, получал доступ к этой правде?

— Похоже на то, — Воронов взял ларец и открыл его. Внутри на бархатной подушке лежало старинное кольцо с рубином. Точно такое же, какое было у Сосипатры! — Кажется, я знаю, что это. Семейная печать. Возможно, ключ к расшифровке документов. Или просто символ рода.

Внезапно наверху раздался крик Лерки. Мы с Вороновым переглянулись и бросились наверх. Выбравшись из люка, мы увидели Лерку, которая отбивалась от мужчины в длинном пальто, вооруженного тростью. Тот самый незнакомец, которого видел почтальон! Антиквар!

— Стоять, полиция! — Воронов выхватил пистолет. — Бросайте оружие!

Антиквар замер, потом резко развернулся и побежал в сторону зарослей. Воронов выстрелил в воздух и помчался за ним, крикнув нам:

— Ждите здесь! Не двигаться!

Мы с Леркой остались на месте, дрожа от пережитого волнения. Лерка всхлипывала, поправляя бандану.

— Он напал на меня! — причитала она. — Хотел отнять тарелку! Но я ему врезала биноклем по голове! Думаю, у него теперь шишка будет!

— Какая тарелка? — не поняла я.

— Твоя, которую ты мне дала поддержать перед спуском! Я ее в карман сунула! А этот тип как налетел! Видимо, следил за нами!

— Лерка, ты героиня! — я обняла подругу. — Но давай отойдем подальше, пока Воронов его ловит.

Через несколько минут слышались шаги. Вернулся запыхавшийся Воронов. Вид у него был хмурый.

— Ушел, — коротко сказал он. — Но я успел заметить его лицо. Теперь мы знаем, кто он. Это бывший антикварный дилер, специализировавшийся на краденых фамильных ценностях. Мы объявим розыск. А вам, дамы, спасибо за помощь. Особенно вам, Валерия, — он кивнул Лерке, — за проявленное мужество.

Лерка зарделась и стала похожа на маков цвет. Я же смотрела на тайник и думала, что история с «Кексом правды» получила наконец реальное объяснение. Никакой мистики, только старинный шантаж и человеческая жадность. Но осадок остался. Кольцо в ларце было точь-в-точь как у Сосипатры. Значит, оно тоже было парным? Или Сосипатра нашла свою половину здесь раньше? Вопросов оставалось еще много. Но главное — убийца наказан, архив найден, а Антиквар будет пойман.

Мы вернулись в город уже к вечеру. Воронов отвез нас домой, пообещав назавтра прийти за тортом снова — оказывается, первый он почти не попробовал. Лерка тут же принялась планировать, какой торт испечь на этот раз, и предлагала назвать его «Торт правосудия с кремом из улик». Я улыбалась, но в голове крутилась мысль: а что, если тайны рода Перепонкиных на этом не заканчиваются? Что, если где-то есть еще один тайник? И что, если бабушка знала гораздо больше, чем рассказывала? Но это будет уже другая история. А пока — спать. Марсель ждал ужина, и, кажется, опять стащил кусок колбасы, пока меня не было.

Однако сон не шел. Я лежала в постели, глядя в потолок, и перебирала в памяти события дня. Подземный тайник, сундук с бумагами, ларец с кольцом, Антиквар в длинном пальто... И Лерка, героически отбивавшаяся от него биноклем. Всё это походило на сценарий приключенческого фильма, но происходило на самом деле. Я повернулась на бок и уткнулась в подушку. Рядом, свернувшись калачиком, посапывал Марсель. Его размеренное мурлыканье обычно успокаивало, но не сегодня. В голову лезли тревожные мысли. Антиквар на свободе. Он знает, что мы нашли тайник. Знал ли он, что именно там хранилось? Или ему нужна была только тарелка? Лерка сказала, что он пытался отнять именно ее. Значит, для него ценность представляла не столько информация из сундука, сколько сам рецепт. Или он считал, что в тарелке заключена какая-то особая сила? Глупости, конечно, но в этом деле было столько странного, что я уже ничему не удивлялась.

Я села на кровати и включила ночник. На тумбочке лежала моя половина тарелки, которую Воронов вернул мне после того, как мы сделали все необходимые фотографии и зафиксировали текст. Он сказал, что как наследница я имею право хранить семейную реликвию, но попросил быть осторожной. Я взяла тарелку в руки и еще раз всмотрелась в рисунок. Пастушка с овечкой смотрела на меня своими наивными фарфоровыми глазками. Что скрывается за этим невинным изображением? Неужели простая фарфоровая безделушка могла стать причиной убийства? Выходит, что так. Люди веками охотились за секретами, и «Кекс правды» был лишь красивой оберткой для куда более прозаичной вещи — архива компромата. Аглая Перепонкина была не просто кулинаркой, она была хитрым дельцом, собиравшим информацию на сильных мира сего. И рецепт кекса служил ключом к ее тайнам. Интересно, а сама она пекла этот кекс? Или это тоже часть легенды?

Я аккуратно завернула тарелку в мягкую ткань и убрала обратно под половицу. Марсель приоткрыл один глаз, проводил меня взглядом и снова заснул. Я легла, но сон всё не приходил. Тогда я решила, что лучший способ успокоить нервы — это испечь что-нибудь. Тихо, чтобы не разбудить Лерку, которая осталась ночевать у меня (после нападения Антиквара ей было

страшно возвращаться домой одной), я прокралась на кухню. Зажгла свет, достала муку, яйца, масло. Замешивая тесто для простого песочного печенья, я думала о Воронове. Он вел себя сегодня... необычно. Не как суровый следователь, а как заинтересованный сообщник. Доверил нам тайну, позволил участвовать в поисках, даже отдал тарелку. Может, он просто понимал, что без нас не справился бы? Или в его кофейных глазах промелькнуло что-то большее, чем профессиональный интерес? Я тряхнула головой, отгоняя романтические мысли. Сейчас не время. У нас на хвосте опасный преступник, а я думаю о цвете глаз следователя.

Печенье отправилось в духовку, и кухня наполнилась уютным ароматом ванили. Я села за стол и включила чайник. Через несколько минут на пороге появилась заспанная Лерка в моей пижаме с котятами.

— Ты чего не спишь? — зевнула она. — О, печеньки! Мань, ты сумасшедшая. Готовить в три часа ночи — это диагноз.

— Не могла уснуть, — призналась я. — Всё думаю об Антикваре. И о тайнике. Знаешь, мне кажется, мы что-то упустили.

— Что? — Лерка плюхнулась на стул и потянулась за печеньем, которое я уже выложила на тарелку.

— Сундук был слишком... очевидным. Если Аглая была такой хитрой, зачем ей прятать архив в погребе под дубом, да еще и описывать это в стихах на тарелке? Любой, кто соединил бы половинки, нашел бы тайник. Слишком просто.

— Может, она рассчитывала, что половинки никогда не соединят? — предположила Лерка. — Ветви-то враждовали.

— Или она оставила ложный след, — медленно произнесла я. — Помнишь, бабушка говорила, что «правда не лежит на поверхности, она запрятана глубоко, как изюм в кексе». Это была ее любимая поговорка. Я всегда думала, что она о выпечке. А вдруг она имела в виду совсем другое?

Лерка перестала жевать и уставилась на меня.

— Думаешь, есть еще один тайник? Настоящий? А то, что мы нашли, — отвлекающий маневр?

— Не знаю, — я задумалась. — Но зачем тогда Антиквару тарелка? Если архив уже найден, зачем ему фарфор? Может, в самой тарелке скрыто что-то еще?

Я снова полезла под половицу и достала свою половину. На этот раз я решила рассмотреть ее при ярком свете. Внимательно, сантиметр за сантиметром. Рисунок пастушки был выполнен вручную, тонкой кистью. Краски чуть потускнели от времени, но все еще были яркими. Я перевернула тарелку и изучила обратную сторону. Рецепт, стихотворение... И тут я заметила то, на что раньше не обратила внимания. В уголке, почти у самого края, была крошечная, едва различимая надпись: «Смотри в сердце».

— Сердце? — Лерка заглянула через мое плечо. — Что еще за сердце? У пастушки, что ли?

— Может быть, — я перевернула тарелку обратно и внимательно посмотрела на рисунок. У пастушки на груди был вышит цветочек в форме сердечка. Я надавила на него пальцем. И тут произошло неожиданное: фарфор в этом месте подался, и с легким щелчком из тарелки выскочил крошечный потайной ящичек, о существовании которого я даже не подозревала. Он был спрятан в толще фарфора, замаскированный под элемент росписи.

Лерка ахнула. Я же, затаив дыхание, извлекла из ящичка микроскопический сверток — кусочек тончайшего шелка, на котором что-то было написано.

— Ну-ка, ну-ка, — пробормотала я, разворачивая шелк. Текст был на французском языке, но для меня, переводчицы, это не составляло труда. Я начала читать вслух, переводя:

— «Тому, кто найдет это послание. Ты держишь в руках ключ к истинному сокровищу. Архив в сундуке — лишь тень правды. Настоящие документы спрятаны там, где началась наша

история. Ищи в старом доме, где печь поет песни, а стены помнят мои слезы. Только там ты обрешь то, что ищешь. Аглая».

— Ничего себе! — Лерка всплеснула руками. — Так это карта сокровищ номер два! Старый дом, где печь поет песни... Это что, метафора?

— Думаю, нет, — я задумалась. — Аглая пишет о «старом доме, где началась наша история». Это может быть ее родовое гнездо. Тот дом, где она родилась и жила до того, как построила усадьбу. И «печь поет песни» — возможно, там действительно есть какая-то особенная печь, которая издает звуки при топке. В старых домах такое бывает.

— А «стены помнят мои слезы»? — Лерка поежилась. — Звучит жутковато.

— Возможно, там произошло что-то трагическое, — я аккуратно свернула шелк. — В любом случае, это меняет дело. Нам нужно найти этот дом. Возможно, именно там находится настоящий архив. Тот, за которым охотится Антиквар.

— А Воронову скажем? — Лерка вопросительно посмотрела на меня.

— Обязательно, — я кивнула. — Но сначала сама проверю кое-какие семейные записи. У бабушки осталась старая библия с родословной. Может, там есть адрес или название того дома.

Мы допили чай, доели печенье и, уже почти успокоившись, легли спать. На этот раз сон пришел быстро. Мне приснилась старая печь, которая действительно пела — выводила мелодию, похожую на колыбельную. И женский голос шептал: «Найди меня... найди...»

Утром я первым делом достала бабушкину библию. Это была большая старинная книга в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами и металлическими застежками. На форзаце была записана родословная нашей семьи. Я внимательно просмотрела записи. Аглая Перепонкина была моей прапрабабкой. У нее было две дочери: Софья и Анна. Моя ветвь шла от Анны. А Сосипатра, получается, была потомком Софьи. Так и есть: в родословной значилось, что Софья вышла замуж за купца Гуськова. Вот откуда у Сосипатры оказалась вторая половина тарелки. Но где же дом, о котором писала Аглая? Я читала дальше. И нашла запись: «Аглая Федоровна Перепонкина родилась в селе Заозерное, в доме у старой мельницы». Заозерное? Это же совсем рядом с нашим поселком, всего километров десять. Там, насколько я помнила, до сих пор сохранились старые купеческие дома. И один из них был известен своей огромной русской печью, которая, по слухам, «пела» — из-за особой конструкции дымохода при топке возникал гудящий звук, похожий на пение. Неужели это то самое место?

Я позвонила Воронову и коротко изложила свои находки. Он выслушал меня внимательно и, к моему удивлению, не стал отговаривать от новой экспедиции.

— Заозерное — это уже территория района, — сказал он. — Я договорюсь с местным участковым, чтобы он нас встретил. Выезжаем после обеда. Только, Манефа Сергеевна, на этот раз никакой самодеятельности. И Леру... Валерию берите, раз уж она все равно всюду суется. Но под мою ответственность.

Я улыбнулась. Похоже, Воронов начал привыкать к нашему дуэту. Или трио? Лерка, услышав, что ее берут в новую экспедицию, запрыгала от радости и тут же побежала переодеваться. На этот раз она выбрала костюм цвета хаки и панаму с сеткой от комаров. Выглядела она как заправский следопыт.

К обеду мы были готовы. Я испекла с собой новую порцию эклеров (без яда, разумеется) и взяла термос с чаем. Воронов заехал за нами ровно в два. Сегодня он был в штатском, но с неизменной кобурой под пиджаком. В машине нас уже ждал участковый — пожилой усатый мужчина по фамилии Сидорчук, который знал Заозерное как свои пять пальцев.

— Дом Перепонкиных? — переспросил он, когда мы объяснили цель поездки. — Это который с поющей печью? Знаю. Там сейчас краеведческий музей. Правда, закрыт уже лет десять как, денег нет. Но здание целое. Печка та и правда чудеса творит. Я в детстве туда с экскурсией ходил, помню, как она гудела — аж мурашки по коже.

— Музей? — я удивилась. — Значит, там могли сохраниться какие-то старые вещи?

— Могли, — Сидорчук кивнул. — Там кладовка есть с экспонатами. Местные жители сносили туда всякую старину. Может, и ваши бумаги где завалялись.

Мы ехали недолго. Заозерное встретило нас тишиной и покоем. Село было небольшим, но ухоженным. Дом Перепонкиных стоял на пригорке у старой мельницы — двухэтажный, деревянный, с резными наличниками и высокой крышей. Видно было, что за ним присматривают: краска не облупилась, окна целы. Сидорчук отпер замок на двери, и мы вошли внутрь.

В доме пахло старым деревом и сухими травами. Первый этаж занимала большая комната, в центре которой действительно возвышалась огромная русская печь, украшенная изразцами. Я подошла к ней и прикоснулась рукой. Изразцы были теплыми, хотя печь не топили — видимо, нагрелись от солнца, бывшего в окне. Но едва я приложила ладонь, как раздался низкий, мелодичный гул. Лерка взвизгнула и отскочила.

— Ой, мамочки! Она и правда поет!

— Это сквозняк, — пояснил Сидорчук. — Труба открыта, ветер гудит в заслонке. Но красиво, согласитесь.

— «Где печь поет песни», — прошептала я. — Значит, мы на верном пути.

Я огляделась. Комната была обставлена старинной мебелью: дубовый стол, лавки, шкаф для посуды. На стенах висели фотографии и пожелтевшие документы под стеклом. Я подошла к одной из витрин. Там была выставлена кухонная утварь конца XIX века: горшки, ухваты, формы для выпечки. И среди них — небольшая бронзовая формочка для кекса с выгравированной надписью «Правда». Я вздрогнула. Вот оно что! Значит, «Кекс правды» был не просто метафорой. Он существовал физически, и у него была специальная форма.

— Смотрите! — позвала я остальных. — Это та самая форма. Возможно, рецепт был записан на ней или внутри нее?

Воронов подошел и внимательно осмотрел формочку. Она была сделана в виде раскрывающегося цветка, и на внутренних стенках действительно были выгравированы какие-то буквы. Но разобрать их было трудно из-за налета времени.

— Надо бы ее забрать для экспертизы, — сказал он. — Если на ней выгравирован тот самый шифр, то Антиквар охотится именно за ней. А тарелки — лишь ключ к местонахождению формы.

— Значит, тайник с бумагами был отвлекающим маневром? — Лерка выглядела разочарованной. — А настоящий секрет — это формочка?

— Выходит, что так, — я задумчиво кивнула. — Аглая была очень умна. Она понимала, что за секретами будут охотиться. И создала двойное дно. Сначала нужно найти тарелки и прочитать стихотворение, которое приведет к сундуку с компроматом. Но это лишь тень. Настоящее сокровище — форма для кекса, на которой, вероятно, записана информация, еще более ценная. Или зашифровано что-то личное.

Воронов осторожно извлек формочку из витрины и завернул в пакет.

— Мы проверим, — сказал он. — А сейчас давайте осмотрим кладовку, о которой говорил Сидорчук. Может, там найдутся еще какие-то предметы, связанные с Аглаей.

Мы прошли в соседнее помещение, которое оказалось тем самым хранилищем экспонатов. Вдоль стен стояли стеллажи с коробками, старыми книгами, посудой. В углу лежала кипа пыльных папок. Я принялась их перебирать. В основном это были бухгалтерские книги мельницы, какие-то расписки, письма. Но одна папка привлекла мое внимание. На ней было написано: «Перепонкина А.Ф. Личные вещи». Я открыла ее. Внутри лежали: дневник в кожаном переплете, несколько фотографий и — о чудо! — еще одна тарелка. Но не половинка, а целая. Правда, с трещиной. Видимо, это был пробный экземпляр или копия.

Я взяла дневник и открыла его. Почерк Аглаи был мелким, но разборчивым. Я начала читать вслух:

— «Сегодня я завершила свой главный труд. Форма для кекса готова, и на ней записано то, что я хочу оставить потомкам. Пусть говорят, что это просто рецепт. Но лишь тот, кто сумеет прочесть его правильно, узнает правду о нашей семье и о том, что случилось в этом доме. Я прячу форму там, где начинается и заканчивается день. Солнце видит ее дважды в день. Этого достаточно, чтобы хранить тайну».

— «Где начинается и заканчивается день», — повторил Воронов. — Солнце видит ее дважды... Это что-то связанное с востоком и западом? Или с окнами?

— Может быть, это печь? — предположила Лерка. — Утром солнце светит в одно окно, вечером в другое. И где-то на печи есть тайник?

Мысль была здравая. Мы вернулись в главный зал и начали осматривать печь более тщательно. Изразцы, заслонки, лежанка... И тут я заметила, что один из изразцов на углу печи слегка выступает, словно его можно нажать. Я надавила. Изразец подался, и внутри открылась маленькая ниша. В ней лежал сверток из промасленной ткани. Я дрожащими руками развернула его. Это был тот самый настоящий архив — тонкая стопка бумаг, исписанных цифрами и именами. Но не только. Среди бумаг находился маленький ключик и записка: «Ключ от моего сердца. Береги его. Аглая».

— Ключ от сердца? — Лерка удивленно моргнула. — Это что, романтическое послание?

— Скорее указание, — я повертела ключик в руках. — Возможно, есть еще сейф или шкатулка, которую можно открыть этим ключом. И она тоже находится где-то здесь.

Воронов взял у меня ключик и задумчиво его осмотрел.

— Позвольте мне проверить, — сказал он. — У моего деда была похожая старинная шкатулка. Кажется, я знаю, где искать.

Он подошел к одному из шкафов, стоявших в углу, и начал внимательно его осматривать. Шкаф был старым, с резными дверцами. На одной из них красовалось изображение сердца, пронзенного стрелой. Воронов вставил ключик в почти незаметную скважину в центре сердца, повернул — и дверца распахнулась. Внутри, на бархатной подушке, лежала небольшая серебряная шкатулка с гравировкой «Правда». Мы замерли.

— Неужели это то самое? — прошептала Лерка. — Открывай скорее!

Воронов открыл шкатулку. Внутри лежал единственный листок пергамента, на котором было написано: «Тот, кто прошел путь до конца, достоин знать правду. Я, Аглая Перепонкина, признаюсь: я никогда не пекла никакого кекса. Это был лишь повод собрать вас всех вместе. Секрет не в тесте, а в сердце. Храните любовь, и правда сама найдет вас. Прощайте».

Мы переглянулись. Лерка разочарованно вздохнула:

— То есть получается, что весь этот огород с кексом, тарелками, тайниками — просто игра? Никакого волшебного рецепта нет?

— Получается, так, — я улыбнулась. — Аглая была мудрой женщиной. Она заставила своих потомков искать правду, но в итоге оставила им простое послание: любовь важнее секретов. Хотя, — я кивнула на бумаги, которые мы нашли, — компромат она все же хранила. Так что и практическую пользу извлечь можно.

Воронов аккуратно собрал все находки.

— Этот архив будет передан в соответствующие органы, — сказал он. — Возможно, он поможет пролить свет на некоторые исторические события. А форма для кекса и тарелки станут экспонатами музея. С вашего разрешения, Манефа Сергеевна.

— Конечно, — я кивнула. — Пусть люди знают историю. А легенда о «Кексе правды» пусть остается легендой. Так даже интереснее.

Мы покинули старый дом, когда солнце уже клонилось к закату. Сидорчук запер музей и пообещал присматривать за ним. На душе было легко и немного грустно. Тайна, которая веками будоражила умы, оказалась простой и человеческой. Но приключение, которое мы пережили, безусловно, запомнится надолго.

По дороге домой Лерка уснула на заднем сиденье, утомленная впечатлениями. Воронов вел машину молча, но иногда поглядывал на меня с каким-то новым выражением. Наконец, когда мы уже подъезжали к городу, он сказал:

— Манефа, я должен извиниться. Поначалу я считал вас просто эксцентричной домохозяйкой, которая лезет не в свое дело. Но вы оказались... удивительной женщиной. У вас острый ум, смелость и, что немаловажно, кулинарный талант. Я рад, что мы познакомились. И, возможно, когда всё это закончится, я смог бы пригласить вас на ужин? Не в качестве следователя, а просто как Аркадия.

Я почувствовала, как щеки заливаются краской. Хорошо, что в салоне было темно.

— Я подумаю над вашим предложением, — ответила я с улыбкой. — Но сначала я должна испечь вам тот самый торт. Настоящий. Без цианида и с любовью.

Воронов улыбнулся в ответ, и в его глазах цвета кофе-глясе заплескали теплые искорки.

Дома нас ждал возмущенный Марсель. Он сидел на пороге и всем своим видом выражал крайнее неодобрение: мало того, что его бросили на целый день, так еще и ужин задерживается. Я погладила его и насыпала двойную порцию корма. Лерка, проснувшись, тут же начала строить планы на завтра.

— Мань, а давай испечем тот самый «Кекс правды» по рецепту с тарелки! Просто ради интереса. Вдруг он и правда заставит говорить правду? Я проверю на своем благоверном, куда он дел мою любимую помаду.

— Лера, — я рассмеялась, — боюсь, правда в том, что твою помаду взяла ты сама и забыла. А кекс мы испечем. Но без всякой мистики. Просто вкусный кекс. С изюмом.

— И с любовью, — добавила Лерка и подмигнула.

Я поставила чайник и достала муку. Кажется, ночь снова будет бессонной. Но теперь — по приятной причине.

Глава 4. Что скрывал персидский ковер

Прошло три дня после нашего триумфального возвращения из Заозерного. Жизнь постепенно входила в привычную колею: я пекла эклеры, Лерка строила планы по завоеванию сердца участкового Сидорчука (она решила, что усатый страж порядка — ее судьба, потому что «он так галантно открыл ей дверь в музей»), а Марсель продолжал борьбу за колбасу. Воронов время от времени звонил — то чтобы уточнить детали по делу, то чтобы спросить, не передумала ли я насчет ужина. Я пока держала паузу, хотя сердце предательски екало при каждом его звонке.

Но спокойствие оказалось обманчивым. В четверг утром, когда я как раз покрывала глазурью очередную партию эклеров, в дверь позвонили. На пороге стояла Антонина Марковна, экономка покойной Сосипатры. Вид у нее был взволнованный донельзя: шляпка съехала набок, в руках она теребила носовой платок, а глаза были красны от слез.

— Манечка, беда! — воскликнула она, едва я открыла дверь. — Ковер! Ковер пропал!

— Какой ковер? — не поняла я, пропуская ее в квартиру. — Проходите, успокойтесь. Хотите чаю? Или эклер? Свежий, с ванильным кремом.

— До эклеров ли тут! — Антонина Марковна всплеснула руками. — Персидский ковер! Тот самый, на котором хозяйка лежала! Помните, я вам говорила — он из гостиной, ручной работы, еще прабабке Сосипатры принадлежал. Так вот, сегодня пришла в дом, а его нет! И печать с двери сорвана!

Я почувствовала, как внутри все похолодело. Персидский ковер. Мы все были так увлечены тарелками, тайниками и формочками, что совершенно забыли о нем. А ведь он был не просто интерьерной деталью. На нем лежала умирающая Сосипатра, и вокруг были рассыпаны крошки от моих эклеров. Но, главное, в суматохе расследования никто не обратил внимания на сам ковер как на возможную улику или тайник.

— Антонина Марковна, вы полицию вызвали? — спросила я, снимая фартук.

— Вызвала, — она всхлипнула. — Приезжал этот ваш Воронов с ребятами. Осмотрели, протокол составили. Но ковра-то нет! А он, между прочим, баснословных денег стоил. И не только денег — Сосипатра говорила, что в нем «память рода» зашита. Я-то думала, она о рисунке говорит, там всякие символы вытканы. А теперь...

— Память рода, — повторила я. — Интересный выбор слов. Антонина Марковна, а вы не помните, Сосипатра не говорила, что именно означают эти символы?

— Да что-то бормотала, — экономка наморщила лоб. — Мол, кто ковер прочтет, тот и правду найдет. Я тогда не придавала значения — мало ли, что хозяйка говорит, она любила загадками выражаться. А теперь вижу — неспроста это.

Я лихорадочно соображала. Ковер с символами, который можно «прочитать». Это звучало как очередная головоломка Аглаи Перепонкиной. Если она спрятала настоящие секреты не только в тарелках и форме для кекса, но и в ковре, значит, мы нашли еще не всё. Возможно, ковер — это и есть тот самый «ключ к сердцу», о котором писала Аглая. И Антиквар, который до сих пор на свободе, тоже это понял.

— Мне нужно увидеть место, где лежал ковер, — решительно сказала я. — Антонина Марковна, вы можете меня провести? И позовите Леру... то есть Валерию. Без нее мы не справимся.

Через полчаса мы втроем уже стояли в гостиной дома Гуськовых. Комната выглядела осиротевшей: на полу, где раньше красовался роскошный персидский ковер, теперь зиял голый паркет. На стенах остались следы от картин, а мебель была сдвинута — видимо, полиция провела повторный осмотр. Воронов, кстати, оставил мне сообщение: «Манефа, будьте осторожны. Ковер украден профессионалами. Антиквар снова действует. Я занят поисками, но,

если у вас есть мысли, поделитесь». Я мысленно усмехнулась: кажется, следователь уже смирился с тем, что я влезаю в каждое его дело.

— Вот здесь она лежала, — Антонина Марковна указала на центр комнаты. — Голова здесь, ноги там. И крошки кругом. Кстати, крошки я подмела еще до приезда полиции, не со зла, а по привычке. Надеюсь, это не повредило следствию.

— Уже неважно, — я опустила на колени и принялась изучать паркет. — Главное — понять, что такого ценного было в этом ковре, кроме его стоимости. Антиквар не стал бы рисковать и воровать его только ради денег. Тут что-то другое.

Лерка, которая до этого молча осматривала стены, вдруг издала торжествующий вопль.

— Маня, смотри! — она указывала на плинтус в углу комнаты. — Там что-то блестит!

Я подошла и наклонилась. В щели между паркетинами действительно что-то мерцало. Я осторожно извлекла предмет. Это оказалась крошечная серебряная булавка в форме полумесяца, усыпанная мелкими камушками — то ли стразами, то ли бриллиантами. На оборотной стороне была выгравирована буква «А».

— Аглая? — предположила Лерка.

— Или Антиквар, — я нахмурилась. — Хотя вряд ли он стал бы носить такую безделушку. Скорее, это обронили, когда срывали ковер. Булавка могла быть приколот к нему с изнанки. Интересно...

— Смотрите! — Антонина Марковна вдруг указала на пол. — Там, где лежал ковер, паркет как-то странно выглядит. Будто проступает рисунок.

Я присмотрелась. Действительно, на паркете проявился едва заметный узор — словно тень от ковра, но не в виде пятна, а в виде четких линий. Я присела и провела пальцем по полу. Линии были не нарисованы, а выжжены в дереве — словно кто-то перенес часть орнамента ковра прямо на паркет.

— Это не просто узор, — медленно проговорила я. — Это карта. Или план. Смотрите, вот здесь линии сходятся в центре, а здесь — расходятся лучами. Если наложить на это ковер, возможно, получится полная картина.

— Но ковра-то нет! — Лерка развела руками. — Как мы его теперь найдем?

— У меня есть идея, — я встала и отряхнула колени. — Антонина Марковна, у Сосипатры были фотографии этого ковра? Может, она делала снимки для страховки или просто для семейного архива?

— Были! — экономка оживилась. — Она же помешана была на своих вещах. У нее целый альбом с фотографиями интерьера. Я сейчас принесу.

Она убежала в другую комнату, а мы с Леркой остались в гостиной. Я еще раз внимательно осмотрела выжженный узор. Он напоминал схему лабиринта или сада — очень похоже на план усадьбы Перепонкиной, но в более детальном масштабе. В центре узора был изображен цветок лотоса — символ, который часто встречался в персидских коврах. Но здесь он выглядел не просто декоративно, а словно обозначал некий центр, цель.

Вернулась Антонина Марковна с толстым альбомом в кожаном переплете. Мы уселись на диван и принялись листать страницы. Сосипатра действительно запечатлела едва ли не каждый уголок своего дома. Вот спальня, вот кухня, вот гостиная с тем самым ковром. Я вгляделась в снимок. Ковер был огромным, с богатым растительным орнаментом и медальонами. Но главное — на нем действительно были вытканы какие-то символы: полумесяцы, звезды, цветы лотоса и, что самое поразительное, — рецепт. Да-да, по краю ковра шла кайма, в которой углублялись слова: «Мука, масло, яйца...» Тот самый рецепт «Кекса правды», но в более полном варианте.

— Лера, ты видишь? — я ткнула пальцем в фотографию. — Это же рецепт! Он выткан прямо на ковре. Неудивительно, что Сосипатра считала его семейной реликвией. Но смотри, — я увеличила фрагмент на телефоне, сфотографировав альбомный снимок, — помимо кули-

нарных ингредиентов, здесь есть и другие слова. «Ищи в сердце дома», «Под защитой Луны», «Там, где падают звезды». Это зашифрованные указания!

— Значит, ковер был еще одной подсказкой, — Лерка округлила глаза. — А мы его проморгали! Антиквар небось уже на полпути к сокровищу!

— Не думаю, что он знает всё, — я покачала головой. — Ковер он украл, но расшифровать сможет не сразу. На это нужно время. У нас есть форс. Мы должны опередить его.

— Но как? Куда бежать-то? — Лерка вскочила. — Что значит «сердце дома», «защита Луны»?

— Сердце дома — это, вероятно, центральная комната, — я задумалась. — Возможно, та, где находится очаг. У многих народов сердцем дома считается кухня или гостиная с камином. А усадьба Аглаи как раз была с огромной печью. Помнишь? «Где печь поет песни». Значит, нам снова туда. «Защита Луны» — это полумесяц. Символ, который мы уже видели на булавке и, наверное, на ковре. А «там, где падают звезды»... Это может быть что угодно: пруд, в котором отражаются звезды, или место, куда падают метеориты. Но, зная Аглаю, скорее всего, это просто метафора. Нужно вернуться в Заозерное и еще раз осмотреть дом.

— Прямо сейчас? — Лерка посмотрела на часы. — Уже вечер. Темнеет. Может, завтра с утра?

— Антиквар не ждет до утра, — возразила я. — Едем немедленно. Я позвоню Воронову.

Воронов ответил сразу. Выслушав мои доводы, он, вопреки ожиданию, не стал возражать.

— Я как раз в районе Заозерного, — сказал он. — Мы тут обнаружили следы взлома в музее. Похоже, Антиквар уже побывал там, но ничего не нашел. Если у вас есть новые зацепки, приезжайте. Вместе осмотрим дом еще раз. Только будьте осторожны: преступник где-то рядом. Мы нашли его машину у старой мельницы.

Мы с Леркой быстро собрались. Антонина Марковна осталась в городе — она была слишком напугана, чтобы участвовать в ночных экспедициях. Я взяла с собой фонарик, альбом с фотографиями (благо экономка разрешила) и, конечно, неизменную корзинку с эклерами. Лерка надела свою «детективную» панаму и прихватила перцовый баллончик.

До Заозерного добрались на такси. Воронов ждал нас у дома с печью. Рядом стояла полицейская машина с мигалкой, но сам дом выглядел темным и безмолвным. Сидорчук, тот самый участковый, тоже был здесь, нервно теребя ус.

— Опять вы, — проворчал он при виде нас. — Ну что за беспокойные барышни! Тут понимаешь, преступник опасный шастает, а они по ночам по музеям лазят.

— Мы помогаем следствию, — с достоинством ответила Лерка. — И вообще, у нас есть важная информация.

Воронов знаком попросил Сидорчука помолчать.

— Рассказывайте, — коротко бросил он.

Я показала фотографию ковра и объяснила про символы. Воронов внимательно изучил снимок, потом перевел взгляд на темное здание музея.

— «Сердце дома», — повторил он. — Печь, которую мы уже осматривали. Но там мы нашли только форму для кекса и архив. Вы думаете, есть что-то еще?

— Уверена, — я кивнула. — Ковер — это ключ к карте. Если сопоставить узор на паркете и символы на ковре, должно получиться точное указание. Но ковра у нас нет, поэтому придется работать по памяти и фотографиям. Помните, на ковре была кайма с рецептом и звездами. А в центре — медальон с лотосом. Лотос — это символ чистоты и истины. В доме есть что-то, связанное с лотосом?

— Там, — Сидорчук махнул рукой в сторону дома, — на одной из изразцов печи выложен цветок. Похож на кувшинку или лотос. Я еще в детстве думал, почему на русской печи — и вдруг экзотический цветок.

— Вот! — я обрадовалась. — Значит, тайник в изразце. Или за ним. Нужно проверить.

Мы вошли в дом. Внутри было темно и тихо, только где-то наверху поскрипывали половицы. Воронов включил фонарь и направил его на печь. Изразец с цветком лотоса находился на боковой стороне, почти у самого пола. Я присела и осторожно надавила на него. Изразец не поддавался. Тогда я попробовала покрутить — и он повернулся вокруг своей оси, открывая круглое отверстие. Внутри лежал небольшой сверток.

— Опять сверток, — Лерка закатила глаза. — Аглая обожала прятать вещи в печке. Может, там просто еще одна записка с шуткой?

— Не думаю, — я развернула ткань. Внутри оказалась книга. Старая, в потрепанном переплете, с золотым тиснением: «Семейные тайны рода Перепонкиных». Я открыла ее. Страницы были исписаны от руки, разными почерками. В основном — кулинарные рецепты, но перемежавшиеся с дневниковыми записями и родословными заметками. А в конце книги была вложена карта. Не план дома, а карта местности — с обозначением реки, леса, мельницы и крестиком в центре.

— Это карта окрестностей Заозерного, — Воронов склонился над ней. — Крестик стоит на острове посреди реки. Там что-то есть.

— Остров? — Сидорчук присвистнул. — Знаю я этот остров. За мельницей, где река раздваивается. Туда только на лодке можно добраться. Местные его Лунным называют, потому что по форме он как полумесяц.

— Полумесяц! — Лерка подпрыгнула. — «Под защитой Луны»! Манька, это точно то самое!

— «Там, где падают звезды», — задумчиво добавила я. — Может, с острова видно звездопад? Или там есть что-то, связанное с падающими звездами? Метеорит?

— Неважно, — Воронов свернул карту. — Надо ехать туда. Антиквар тоже мог догадаться. Он уже обыскал дом, не нашел и, возможно, двинулся к острову. У нас мало времени. Сидорчук, вызывайте подкрепление, а мы вперед.

Мы вышли из дома и быстрым шагом направились к реке. Ночь была светлая, полная луна висела в небе, заливая окрестности серебристым светом. У берега покачивалась старая деревянная лодка. Воронов отвязал ее, и мы погрузились: я, Лерка и он. Сидорчук остался ждать подмогу.

Весла тихо опускались в воду. Река была спокойной, словно зеркало, отражавшее звезды. Я смотрела на них и думала: «Там, где падают звезды». Может, это просто поэтический образ? Или на острове действительно есть кратер от метеорита? В любом случае, скоро мы это узнаем.

Остров приближался. Он действительно имел форму полумесяца — два изогнутых мыса, между которыми была небольшая бухточка. Мы причалили и вышли на берег. Лерка включила фонарик и тут же вскрикнула:

— Смотрите! Следы!

На влажной земле отпечатались свежие следы больших ботинок. Кто-то был здесь совсем недавно. Воронов выхватил пистолет и жестом приказал нам держаться сзади. Мы медленно двинулись по следам в глубь острова.

В центре острова, среди берез, стояла старая беседка, увитая плющом. Рядом с ней, прямо на земле, лежал тот самый персидский ковер! Он был расстелен, словно кто-то пытался его рассмотреть при лунном свете. И действительно, лунный свет, падая сквозь ветви, создавал причудливую игру теней на орнаменте. Но главное — на ковре, прямо поверх рецепта, лежал раскрытый ларец. Тот самый, из тайника в усадьбе, который мы нашли вместе с архивом. Но мы оставили его там, под надзором полиции! Как он оказался здесь?

— Не может быть, — пробормотала я. — Кто-то украл ларец и принес сюда...

— И этот кто-то рядом, — Воронов резко обернулся, направив пистолет в темноту.

Из-за деревьев вышел человек. На нем было длинное пальто, несмотря на теплую ночь, и шляпа, низко надвинутая на глаза. Антиквар собственной персоной. В одной руке он держал трость, в другой — ту самую форму для кекса, которую мы нашли в музее.

— Добрый вечер, господа, — произнес он скрипучим голосом. — Я знал, что вы придете. Вы предсказуемы, как рецепт овсяного печенья. Но я уже у цели. То, что я искал, здесь.

— Положите форму на землю и поднимите руки, — скомандовал Воронов. — Вы арестованы.

— Не торопитесь, следовательно, — Антиквар усмехнулся. — Эта форма — не просто кухонная утварь. В ней скрыт механизм. Смотрите.

Он нажал на какую-то скрытую кнопку, и форма раскрылась, как цветок. Внутри, в специальных углублениях, лежали два предмета: маленький флакон с темной жидкостью и сложенный лист пергамента. Антиквар ловко выхватил флакон и сорвал пробку.

— В этом флаконе — эссенция правды, — объявил он. — Последний секрет Аглаи. Кто выпьет ее, скажет правду, даже самую страшную. А на пергаменте — рецепт. Я искал это двадцать лет! И теперь, когда я обладаю эссенцией, я смогу заставить говорить кого угодно.

— Вы сумасшедший, — я шагнула вперед. — Никакая эссенция не заставит человека говорить правду. Это всё легенды.

— Легенды? — Антиквар расхохотался. — Аглая Перепонкина была гениальным химиком. Она создала сыворотку, воздействующую на мозг. Я проверял на крысах — работает. А теперь проверю на вас.

Он сделал резкое движение, словно хотел плеснуть жидкостью в нас. Но в этот момент Лерка, которая до этого тихо стояла за моей спиной, вдруг совершила героический поступок. Она швырнула свой перцовый баллончик прямо в лицо Антиквару, целясь в руку с флаконом. Антиквар взвыл, флакон выпал и разбился о камень. Темная жидкость растеклась по земле, зашипев. Антиквар схватился за глаза, трость покатила по траве. Воронов мгновенно бросился к нему и защелкнул наручники.

— Готово, — выдохнул он. — А вы, Валерия, снова проявили чудеса меткости.

Лерка, дрожа от возбуждения, поправила панаму.

— Я же говорила, у меня талант к борьбе с преступностью. Жалко, флакон разбился. Может, там и правда была сыворотка правды?

— Вряд ли, — Воронов поднял с земли пергамент. — Но это проверит экспертиза. А вот рецепт... — он развернул лист. — Это не рецепт кекса. Это список.

Я подошла и заглянула через его плечо. На пергаменте были записаны имена и суммы. Долговые обязательства, старые сделки, компромат на потомков известных купеческих фамилий. То, что могло бы разрушить репутацию многих современных богачей. Вот что хранила Аглая на самом деле. А форма для кекса была хитроумным сейфом, который открывался только при правильном соединении всех частей — тарелок, ключа, карты. И ковер был последним звеном, картой, указывающей на остров.

— Значит, правда всё-таки была спрятана в выпечке? — Лерка вздохнула. — Только в виде списка, а не волшебства.

— Правда всегда прозаична, — улыбнулась я. — Но согласитесь, приключение вышло захватывающим.

Подъехали полицейские катера, Антиквара увели. Ковер, форму, ларец и пергамент изъяли как вещественные доказательства. Воронов заверил меня, что все исторические ценности после следствия передадут в музей, а компромат, возможно, ляжет в основу новых расследований.

Когда мы возвращались на лодке, Воронов вдруг повернулся ко мне:

— Манефа, послезавтра суббота. Я свободен. Может, тот ужин, о котором я говорил? Не в качестве следователя, а как Аркадий.

Я посмотрела на Лерку, которая делала вид, что спит, но явно подслушивала. Потом на Воронова, в чьих глазах цвета кофе-глясе отражалась луна. И улыбнулась.

— Хорошо. Но десерт будет за мной. Испеку тот самый «Кекс правды». Только без эссенций, с любовью.

— Договорились, — он улыбнулся в ответ.

Лерка, не выдержав, хлопнула в ладоши:

— Ура! Свадебный торт! То есть... Ой, я хотела сказать, просто торт. Просто вкусный торт.

Мы рассмеялись. Лодка скользила по лунной дорожке, унося нас от острова тайн и секретов. Впереди ждали новые приключения, но это уже совсем другая история.

А Марсель, как обычно, ждал меня дома и, судя по всему, опять стащил колбасу. Что ж, это тоже своего рода правда — правда жизни с котом.

Мы вернулись домой далеко за полночь. Лерка, несмотря на усталость, пребывала в состоянии эйфории и по дороге раз пять пересказывала момент, когда она запустила перцовым баллончиком в Антиквара. Каждый раз траектория полета баллончика описывалась с новыми драматическими подробностями, и к концу поездки выходило, что она не просто бросила его, а совершила сложный акробатический трюк с прыжком и кувырком. Я не спорила — Лерка имела полное право на свою минуту славы. В конце концов, именно ее меткость спасла нас от возможного отравления загадочной «эссенцией правды», которая, как позже выяснилось, оказалась всего лишь настойкой полыни с добавлением опия. Аглая Перепонкина действительно увлекалась народной медициной и химией, но никакого «сывороточного» эффекта ее снадобье не имело. Так, легкое помутнение рассудка и изжога. Впрочем, легенда от этого не стала менее красивой.

Марсель встретил нас на пороге с видом оскорбленного монарха, которому не доложили о возвращении королевской процессии. Он сидел, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на меня так выразительно, что я сразу поняла: колбаса в холодильнике кончилась, а сухой корм проигнорирован. Пришлось в три часа ночи открывать новую палку сервелата и нарезать тонкими ломтиками — кот признает только такую нарезку. Лерка, впрочем, тоже не отказалась от бутерброда, заявив, что «борьба с преступностью разжигает зверский аппетит». Мы сидели на кухне, пили чай с остатками эклеров и обсуждали прошедший день. Точнее, уже наступивший, потому что за окном начинало светать.

— Мань, а тебе не кажется, что мы всё-таки что-то упустили? — Лерка задумчиво макала эклер в чай, отчего тот размокал и норовил упасть обратно в чашку. — Ковер-то мы нашли, Антиквара поймали, форму с секретом изъяли, архив тоже. Но Аглая... она была слишком умна. Я читала ее дневник, пока ты с Вороновым любезничала в лодке. Там есть одна странная запись, которую мы впопыхах пропустили.

— Какая запись? — я насторожилась. Дневник Аглаи мы нашли в доме-музее, в той самой папке с личными вещами. Я просмотрела его мельком, но, видимо, недостаточно внимательно.

Лерка порылась в своей бездонной сумке (как она умудряется носить с собой столько вещей, оставалось загадкой даже для меня) и извлекла помятый блокнот, куда она второпях переписала несколько страниц из дневника.

— Вот, слушай, — она откашлялась и начала читать с выражением, какое обычно приберегала для декламации стихов на праздниках: — «Сегодня закончила работу над главным сокровищем. Ковер, что ткёт моя верная Марфа, станет не только украшением дома, но и хранителем моей последней воли. В его узорах я скрыла то, что не решилась доверить бумаге. Тот, кто прочтёт ковер сердцем, а не глазами, найдет путь к истинному кладу. Ибо правда — не в документах, не в рецептах, а в том, что нельзя потрогать руками. Аглая».

— «Прочтет сердцем, а не глазами», — повторила я, чувствуя, как по спине пробегает знакомый холодок предвкушения загадки. — Значит, ковер — это не просто карта к острову. Он содержит еще какое-то послание. То, что нельзя увидеть глазами. Может быть, шифр, видимый только при определенном освещении? Или символы, которые складываются в слова, если смотреть на них под правильным углом?

— Или там что-то зашито внутри, — Лерка понизила голос до шепота. — Помнишь, бабушка Нюра рассказывала, что раньше в ковры закатывали драгоценности? Может, там бриллианты?

— Лера, если бы там были бриллианты, Антиквар их бы уже нашел. Он ковер вдоль и поперек обыскал, прежде чем мы явились. Вспомни, ковер был расстелен в беседке, и он как раз что-то высматривал при лунном свете. Он искал нечто, что проявляется только в определенных условиях.

— Точно! Лунный свет! — Лерка хлопнула себя по лбу. — В дневнике же сказано: «Под защитой Луны». Мы думали, это про остров. А что, если это про сам ковер? Может, при лунном свете на нем проступают скрытые знаки?

Я вскочила и заметалась по кухне. Ковер сейчас находился в полиции как вещественное доказательство, но у нас осталась фотография из альбома Сосипатры. И, что более важно, у меня был сделанный на телефон снимок ковра там, на острове, когда он лежал в беседке, освещенный луной. Я схватила телефон и открыла галерею. Фотография была не очень четкой — ночная съемка, дрожащие руки, — но кое-что разглядеть можно. Я увеличила изображение и принялась изучать.

На первый взгляд, обычный орнамент: растительные мотивы, медальоны, кайма. Но когда я присмотрелась к центральному медальону с лотосом, то заметила, что лепестки цветка образуют буквы. Не сразу, но если приглядеться, складывалось слово: «ПРОЩАЙ». А вокруг лотоса, в завитках орнамента, прятались еще слова: «ЛЮБОВЬ», «ПАМЯТЬ», «СЕМЬЯ». Я показал Лерке.

— Смотри, это не просто узор. Это зашифрованное послание. «Любовь, память, семья, прощай». Аглая прощалась с потомками. Но почему «прощай»? Может, она знала, что умирает?

— Или она прощалась с тайнами, которые передала, — Лерка задумалась. — Смотри, внизу есть еще что-то. Увеличь-ка.

Я увеличила нижнюю часть ковра, где кайма переходила в бахрому. Среди нитей бахромы действительно были вытканы крошечные значки — не буквы, а символы: сердечко, ключ, скрипичный ключ, перо. Я не сразу поняла их значение, но потом меня осенило.

— Это подпись, — прошептала я. — Аглая подписала ковер не именем, а символами. Сердце — ее суть, ключ — ее секреты, скрипичный ключ — возможно, она любила музыку, а перо — она писала. И все это вместе — ее наследие. Она оставила не просто рецепт или архив, она оставила частичку себя.

— Красиво, — Лерка вздохнула. — Прямо до слез. Жалко, что мы этот ковер не можем оставить себе. Он бы украсил твою гостиную.

— Боюсь, он отправится в музей, — я улыбнулась. — Но главное, что мы разгадали последнюю загадку Аглаи. Ее истинное сокровище — не компромат на купцов, не эссенция правды, а память о семье, о любви, о корнях. Она хотела, чтобы потомки помнили, откуда они родом. А архив и форма — лишь способ привлечь внимание. Гениальная женщина.

Мы еще долго сидели, обсуждая детали. Лерка предлагала написать книгу о наших приключениях, я — просто испечь «Кекс правды» и раздать соседям. В конце концов, сошлись на том, что надо выспаться, потому что через несколько часов наступит новый день, а у меня был запланирован поход в полицию для дачи окончательных показаний и, возможно, свидание с Вороновым.

Утро встретило меня солнечным лучом, пробившимся сквозь неплотно задернутые шторы, и настойчивым мурлыканьем Марселя, который требовал завтрак. Лерка еще спала на диване, завернувшись в плед и тихо посапывая. Я на цыпочках прокралась на кухню, покормила кота и поставила чайник. В голове крутились обрывки вчерашних событий: темный остров, лунный свет, разбитый флакон, лицо Воронова, когда он приглашал меня на ужин. Интересно, что он скажет сегодня? И как мне одеться? Я перебрала в уме свой скромный гардероб. Ничего подходящего для ужина со следователем, у которого глаза цвета кофе-глясе, не нашлось. Разве что то самое платье в горошек, которое я надевала на прошлый день рождения, но оно было слишком легкомысленным. Или строгий костюм, оставшийся со времен работы переводчицей, — но в нем я выглядела как чиновница. Решив, что проблема наряда решится по ходу дела, я занялась выпечкой. Чтобы успокоить нервы, не придумано ничего лучше, чем замесить тесто.

Я решила испечь тот самый «Кекс правды» по рецепту с тарелки. Благо, текст рецепта у меня был сфотографирован. Мука, масло, яйца, щепотка ванили, изюм, цукаты — ничего необычного. Разве что в конце было приписано: «Добавь в тесто одну слезу радости и две щепотки любви». Я усмехнулась: Аглая даже в рецепте оставалась поэтом. Слезу радости я, конечно, добавлять не стала, но любовь — почему бы и нет? Пока кекс выпекался, кухня наполнилась уютным ароматом, который, казалось, проникал в каждый уголок и будил самые теплые воспоминания.

Проснувшись Лерка и, потянув носом, приплыла на кухню.

— Манька, ты опять печешь? С ума сойти, какой запах! Это тот самый кекс? Дай попробовать, хочу стать правдивой.

— Правдивой тебе не надо, ты и так всегда говоришь, что думаешь, — я рассмеялась. — Но кусочек получишь, когда остынет.

К десяти утра кекс был готов. Он получился высоким, румяным, с золотистой корочкой. Я разрежала его, промазала кремом (на этот раз обычным сливочным, без коньячных экспериментов) и украсила миндальными лепестками. Лерка немедленно утащила себе кусок и, прожевав, заявила:

— Знаешь, что я тебе скажу? Я сейчас чувствую, что должна признаться: это я в прошлом году разбила твою любимую чашку с фиалками и спрятала осколки за холодильником. Прости меня!

— Я так и знала! — я всплеснула руками. — Но раз кекс помог тебе признаться, значит, рецепт работает. Шучу. Чашку я давно тебе простила. А кекс просто вкусный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.